

342

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Т. М. НИКОЛАЕВА

СЕМАНТИКА
АКЦЕНТНОГО
ВЫДЕЛЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

MISS MARY BROWN

ASHINGTON

ASHINGTON

ASHINGTON

ASHINGTON

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
ПО ТЕОРИИ СОВЕТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Т. М. НИКОЛАЕВА

СЕМАНТИКА
АКЦЕНТНОГО
ВЫДЕЛЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1982

Б-
ГО
О-
Г-
О
.
И

Работа представляет собой опыт функционально-семантического описания акцентного выделения слова в коммуникативном синтаксисе и лингвистике текста. Подробно анализируются просодические и содержательные категории. Специально анализируются типы и функции так называемых «акцентирующих частиц» — на фоне общесодержательных категорий высказываний. Исследуется модель акцентных выделений в связанном устном тексте.

Редакционная коллегия:

член-корреспондент АН СССР

В. Н. ЯРЦЕВА

(ответственный редактор),

доктора филологических наук

М. М. ГУХМАН, С. Д. КАЦНЕЛЬСОН,

В. П. НЕРОЗНАК

(ответственный секретарь),

А. А. УФИМЦЕВА

Татьяна Михайловна Николаева

СЕМАНТИКА АКЦЕНТНОГО ВЫДЕЛЕНИЯ

Утверждено к печати Научным советом
по теории советского языкознания, Институтом языкознания

Редактор издательства Е. В. Фурманова

Художественный редактор Т. П. Поленова

Технический редактор О. Г. Ульянова

Корректоры Е. Н. Белоусова, Г. Н. Лац

ИБ № 25289

Сдано в набор 13.11.81. Подписано к печати 24.05.82. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 5.5. Усл. кр. отт. 5,7. Уч.-изд. л. 5,8. Тираж 2800 экз. Тип. зак. 926.
Цена 60 к.

Издательство «Наука». 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

© Издательство «Наука», 1982 г.

Н $\frac{4602000000-214}{042(02)-82}$ 460—82, кн. 1.

ВВЕДЕНИЕ

Данная книга — попытка разобраться в функциональной сущности явления, простого и недискуссионного в своем существовании для всякого носителя языка, довольно легко расшифровываемого и в то же время таинственным и исторически сложным образом невероятно запутанного в своей лингвистической интерпретации. Мысль, что одно и то же явление может быть простым в своем языковом воплощении и сложным в лингвистической трактовке, и наоборот — ясный по своей сути лингвистический феномен может быть усложненным фактом языка, практически не обсуждается, ибо факты лингвистической теории часто принимаются за факты языка. Таким образом, возникает рутинная теория — особенно на периферийных областях языкознания, длительное время гипотетически воздействующая на интерпретацию фактов.

Акцентное выделение — это обозначение, может быть, и неудачное, активной для восприятия выделенности просодическими средствами какого-либо слова во фразе: *Вам не с кем пойти? Пригласите Леночку. — Вот с ней я и не хочу идти!; Это довольно просто. — Для Вас и т. д.* Оказывается, что наличие и/или место такого выделения меняет картину описываемого мира, даже и не включаемого в очевидной форме в текст, где располагается акцентное выделение. В интересной книге С. Шмерлинг, посвященной трактовке акцентного выделения на англоязычном материале (Schmerling, 1976), приводятся, в частности, такие примеры: *John called Mary a Republican, and then she insulted him* — акцентное выделение во втором предложении зависит от того, считаться республиканцем — это оскорбление или нет; если да, то ударение ставится на *him*; если нет — по правилам английской фразовой просодии фразовое ударение помещается на глаголе. Рассмотрим другой пример: *This is the man I was telling you about; This is the doctor I was telling you about* (Schmerling, 1974, 72). Нужно ли выделять *The man* и *the doctor*? Оказывается, что в обычной обстановке не требуется выделять *the man* и где-нибудь в госпитале *the doctor*. Но там, где мужчина (или доктор) редкость,

реально, как пишет С. Шмерлинг, выделение *the man* или *the doctor*. Таким образом, вокруг акцентного выделения создается ореол коммуникативных коннотаций. Естественно поэтому, что именно в рамках лингвистики текста примеры с акцентным выделением занимают такое большое место (см.: Николаева, 1978). «Тот факт, что подобное разнообразие перцептивных различий в том виде, как это изучалось нами, может ассоциироваться именно с интонационными ограничениями, заставляет предполагать, что с них и нужно начинать» (Cantrall, 1975, в указанной статье речь идет именно об акцентном выделении. — Т. Н.).

Факты акцентной выделенности, особой отмеченности какого-либо компонента, отмечались давно. Интерес к этому явлению в последнее время возрастает так стремительно, что не целесообразно в небольшой книге проследивать всю его историю в лингвистике — достаточно остановиться на концепциях последних двух десятилетий. Феномен акцентного выделения назывался логическим ударением, явлением «второй инстанции», его связывали с теорией вопросов-ответов, связывали с актуальным членением (свойством быть ремой), с инверсией, давали ему определения и содержательного свойства, интерпретируя его как контрастивное, как эмфатическое, как выделяющее важное, как входящее в категорию определенности—неопределенности и т. п. Распространена и суммарная концепция, объединяющая все эти характеристики в один пучок.

Принимая или отвергая любое из предложенных определений акцентного выделения (в дальнейшем — АВ), необходимо прежде всего обратить внимание на ту особенность АВ, которая в наибольшей степени затрудняет и запутывает вопрос о его лингвистическом статусе.

Будучи по своей сути явлением функциональным, коммуникативным знаком, АВ в концепциях разноязычного толка непостижимым образом связывается именно с явлениями плана выражения, не совпадающими функционально с АВ — с интонационной структурой высказывания, прежде всего с проблемой интонационного центра. Как нам представляется, теория АВ, его функциональной трактовки, может (или должна) относиться к фонетической стороне воплощения АВ так, как морфонология (в виде теории акцентных парадигм) относится к фонетическим данным словесно-просодического характера о типе воплощения словесного ударения в зависимости от его

позиции. И в самом деле, для морфонологии достаточно знать, что *водá* и *странá* различаются по месту ударения в Асс. Sing.: *вóду*, но *странú*, и совсем необязательно знать, как именно выражается просодически ударение, расположенное на первом или втором слоге¹, морфонология занимается функциональным аспектом словесного ударения. В этом плане можно сказать, что теории АВ пока еще не существует. Анализируя функции АВ, С. Шмерлинг пишет, что это «феномен особого рода, такой, с каким лингвисты еще и не начинали по существу иметь дело» (Schmerling, 1976, p. 78).

Существенным возражением фонетико-эмпирического характера на все сказанное могло бы быть указание на тот факт, что: 1) мы не знаем, сколько функционирует АВ как языковых единиц, учитывая инвариантный и вариантный аспекты; 2) мы не всегда можем строго акустически отличить АВ от нейтрального произнесения, даже и в сильной фразовой позиции (См. работы последних лет экспериментального характера: Culter, Foss, 1977; Janota, Palková, 1974; Щербакова, 1978 и др.). Именно фонетические факты могут дать ответ на эти вопросы, сочетая данные «низового» слоя с пониманием функциональных различий.

Однако именно фонетические «низовые» факты в том состоянии интонационной теории, которая может быть представлена в настоящее время (см.: Кривнова, 1978, на этой работе мы остановимся и далее), не в состоянии дать ответы, требующиеся для функционально-синтаксической теории.

Как представляется, требуемые рамки могут быть наложены именно исходя из специфики АВ как коммуникативного явления. А именно предлагается описывать АВ через его характерные особенности: 1. АВ резко выделяет слово по сравнению с другими его соседями по высказыванию: какой-нибудь *еды дайте*; *Ее я никогда не понимала* и пр. 2. АВ создает вокруг высказывания, в которое оно входит, определенный коммуникативно-текстовый и достаточно объективный для данного социума ореол: *Ее я никогда не понимала* (а других — да); *Сегодня не так холодно* (до сегодняшнего дня было холодно и т. п.).

¹ А такие работы существуют сами по себе и дают экспериментальные данные, интересные уже в просодическом аспекте (см.: Златоуста, 1953).

Обратимся с этими критериями к высказываниям типа *Красиво чернея в нежной зелени еще низких яровых хлебов, гуляли грачи*; *Речь шла о придворных интригах во время Сигизмунда третьего, в центре которых стояла куртизанка Урсула*; *Какие-то злодеи украли у меня в санаторном поезде чемодан* и пр. Удовлетворяют ли они указанным выше двум требованиям? Представляется, что нет: у них нет объективно требующего выделения слова и нет столь же объективного коммуникативного ореола—тени. Таким образом, это фразы с отсутствующим АВ. Но оформлены ли они по правилам фразовой просодии? Безусловно, в них есть слова—носители фразового ударения — *грачи*, *Урсула*, *чемодан*. Но это факты интонации, факты АВ в этих фразах не представлены. Мы можем противопоставлять фразы с АВ фразам без АВ по критерию: наличие/отсутствие, имея дело в этом случае с привативной, но не эквиполентной оппозицией. Фразы указанного типа будут интересовать нас в дальнейшем лишь постольку, поскольку в них нет АВ (потенциальная возможность преобразить их в высказывания с АВ в данном случае не меняет дела). И все же очевидно, что, создавая самую первичную теорию АВ как функционального языкового пласта, в первую очередь необходимо остановиться на его корреляции с интонационными феноменами.

Глава первая

АВ И АНАЛИЗ ЕГО ТРАКТОВОК

АВ и интонационный центр, фразовое ударение

Как мы говорили, гипнотическое воздействие идеи неразрывной связи АВ и интонационно-просодического центра высказывания до сих пор оказывается непреодолимым. Как и многие прописные истины, эта сентенция имеет сложно определяемый генезис. Как и другие истины, кажущиеся непреложными, она родилась, вероятно, путем легких логических сдвигов в формулировке сентенции. А именно во всяком законченном высказывании должен быть коммуникативно оформленный правильно интонационный центр — фразовое ударение. Безусловно, это фразовое ударение выделяет данное отмеченное слово — его носитель — из числа других, его можно считать интонационно маркированным. Все это так. Но как и каким образом из вышесказанного следует, что: 1) выделенным в высказывании может быть только одно слово, или если выделение приравнять к ударению, то ударным может быть только одно слово; 2) всякое выделенное слово и есть интонационный центр речевого отрезка.

Строго говоря, интонационная теория, точнее, интонационные факты не предлагают этих положений теории функционально-синтаксической. Однако последняя формулирует их именно так. Большое распространение в лингвистике получило «понимание термина фразовое ударение, при котором этот термин становится обобщающим, поскольку выражает понятие акцентной организации всякого предложения в языке. . . . О таком понимании термина говорят общепринятые термины: Satzaccent, sentence stress, accent syntactique» (Черкасова, 1976). Фразовое ударение приравнивается к АВ. См., например, тезис о том, что если перемещается ударение и меняется порядок слов, то актуальное членение не меняется: *Он говорит правду* — *Правду он говорит* (Адамец, 1966); или «во всех языках фокус предложения обычно есть носитель нормального фразового ударения» (the main sentential stress.

Dahl, 1974). Таким образом, строится ряд: He was reading a book — главное ударение на a book (если фраза произносится с нейтральной интонацией), но A man was coming — ударение на a man (Szwedek, 1976). Идея тождества АВ и нейтрального фразового ударения при этом остается.

Как нам представляется, воедино смешиваются при этом несколько проблем: 1) Тождественны ли в функционально-синтаксическом отношении АВ и нейтральное фразовое ударение, т. е. являются ли они категориями одного функционального слоя? 2) Тождественны ли они в функционально-интонационном отношении? 3) Находятся ли они в отношении дополнительного распределения в рамках одного и того же высказывания?¹

Мы говорили о двух отличиях высказываний с АВ от высказываний с нейтральным фразовым произнесением: резком для слуха выделении компонента с АВ и созданием вокруг высказывания особой текство-коммуникативной ауры. Обоих этих качеств нет у высказываний с нейтральным просодическим воплощением. Однако в теоретическом плане вопрос стоит так: имеет ли при этом место противопоставление плюса нулю — тогда это факты одной категории (как факты одного плана, компоненты одной парадигмы типа *стол+ø → стол-а*) или это факты несоотносимых между собой разноплановых функциональных явлений. Оказывается, что при такой постановке вопроса понятие нейтрально произнесенного высказывания и понятия фразового ударения в нейтрально произнесенном высказывании отнюдь не оказываются синонимичными. Ср. два высказывания: *Я принес для мамы новую книгу* и *Я принес для мамы новую книгу*. Первое и второе высказывания (без АВ и с АВ) противопоставляются как отсутствие — наличию, т. е. факты однокатегоричные. Но выделенное я противопоставляется я не выделенному или высказывание с АВ противопоставляется высказыванию без АВ глобально (о функции в языке этого противопоставления см. гл. IV). Между тем интонационным центром или фразовым ударением (ФУ) в высказывании без АВ является зона последнего ударного слога, т. е. слово *книгу*. На основании чего мы можем как-то сопоставлять АВ в слове *я* во втором высказывании и ФУ на слове

¹ Вопрос о фонетическом различии АВ и ФУ мы сознательно опускаем, как все, что связано с фонетической стороной реализации АВ.

книгу? Никакая логика лингвистического рассуждения как будто таких оснований не дает. АВ — факт одной сферы, тексто-коммуникативной, ФУ — факт собственно интонационный.

Но может быть они тождественны именно в функционально-интонационном отношении? Это и будет ответом на второй вопрос.

Интонационный центр высказывания или ФУ, как это принято считать в интонологии, выполняет следующие функции: 1) показывает коммуникативный тип высказывания: утверждение—вопрос—незавершенность—переспрос—восклицание и т. д.; 2) выполняет делимитативную функцию, заканчивая высказывание, отделяя его от других.

Разберем предложения с АВ: *Петя забыл нам позвонить* (с ударением контраста: *Петя*, а не кто-то иной). Ср.: *Петя забыл нам позвонить, когда все это произошло. Петя забыл вам позвонить? Не верю.*

Просодическое оформление, показывающее тип высказывания и его конец, совсем не концентрируется на слове *Петя*, конец высказывания все равно оформлен в соответствующем месте — ср. слуховое ощущение от мелодики слова *позвонить*: особенно характерное делимитативное продление ударного слога у слова *позвонить* в утверждении.

Фразовое ударение предлагается иногда называть «нормальным» ударением. Без этого ударения фраза не имеет цельнооформленности. Его позиционная обусловленность видна из серий типа:

Он завернул за угол дома.

Он завернул за угол дома дяди.

Он завернул за угол дома дяди матери.

Он завернул за угол дома дяди матери приятеля.

Добавляемые слова, на которые переносится интонационный центр, не являются самыми важными, центральным ядром, не выделяются они и на слух.

Таким образом, АВ и ФУ функционально разноплановые явления, они поэтому не противопоставляются и не совмещаются.

Ответ на третий вопрос как будто очевиден из сказанного: функционально разноплановые явления не могут быть в дополнительном распределении, находясь в отношении или/или.

Следовательно, они могут сосуществовать в рамках одного и того же высказывания. И даже АВ не должно рассматриваться как «сдвинутое фразовое ударение» или «смещенный интонационный центр».

Напомним, однако, что в англоязычной лингвистической литературе термин «фразовое ударение» (the sentence stress) часто замещается на «главное ударение» (the main stress). Таким образом, за проблемой разноплановости АВ и ФУ стоит и другая проблема: множественности АВ в одном высказывании.

Безусловно, в одном и том же высказывании может быть представлено несколько АВ: *He couldn't even sell whiskey to the Indians* (Anderson, 1972); *Сегодня он пришел в красной рубашке*. Но в этом случае естественным образом и несколько коммуникативных «соседей» корреспондируют такому высказыванию. Число этих коммуникативных спутников не может быть, однако, предсказано точно. Это скорее всего одно предложение: *Вчера он был в зеленой, сегодня он пришел в красной рубашке*, а, может быть, и целая коммуникативная цепочка: *Как безвкусно он одевается, позавчера он был в синей рубашке, сегодня пришел в красной. Вчера был в зеленой*. По множественности АВ или их минимальности Р. Харвег различает политопические и монотопические высказывания (Harweg, 1969). Политопическим, например, является высказывание *Сегодня опять разбился поезд*, допускающее разные коммуникативные трактовки и соответственно множественность АВ. Монотопическими Р. Харвег называет те высказывания, из которых с несомненностью вытекает одна нарративная точка зрения, объединяющая тем самым однуединственную ситуацию.

Возвращаясь к проблеме разноплановости АВ и ФУ, на этот раз уже в аспекте множественности—единственности каждого из них, необходимо заметить, что все сказанное как бы предполагает твердую уверенность автора в единственности ФУ (интонационно-коммуникативного) центра, оформленного в плане выражения специфическими просодическими средствами. Между тем новейшие исследования (Кривнова, 1978; Светозарова, 1982, и др.) по интонации расшатывают эту былую уверенность многих интонологов. Так, данные О. Ф. Кривновой говорят о сложном взаимодействии выделения акцентными средствами («было принято решение считать в спорных случаях ударные гласные акцентированными при их выделен-

ности (относительно безударных гласных) всеми просодическими параметрами» — Кривнова, 1978, с. 132). О. Ф. Кривнова показывает зависимость типа интонационно выделенных слов и их количества от типа синтаксиса высказывания. Интонационный центр включается О. Ф. Кривновой в общую совокупность акцентного контура (и мелодического, поскольку мелодика есть одно из основных средств выделения) данной синтаксической структуры. И здесь мы еще раз сталкиваемся с не всегда четко осознаваемым несоответствием между дискретностью фактов языкознания и изначальной недискретностью первично воспринимаемых и анализируемых речевых фактов.

Таким образом, и АВ и ФУ на уровне непосредственных данных каждое в свою очередь включается в шкальную систему «более или менее» подходящих под определение феноменов, выраженных в большей или меньшей степени.

Однако, как говорилось в вводной части, просодическим фактам в их функциональном плане в отношении к плану непосредственно фонетическому не хватает того лингво-теоретического статуса, которым обладает морфология в ее соотношении с фонетикой альтернантов.

Итак, АВ и ФУ в их лингвистическом плане несоотнесены. Именно в этом свете небезынтересно обратить внимание на дискуссию, развернувшуюся вокруг попытки анализа отношения в начале 70-х годов на страницах журнала «Language» (Bresnan, 1971; Lakoff, 1972; Berman, Szamosi, 1972; Bresnan, 1972). Исходным базисным пунктом дискуссии было известное правило о расстановке фразового ударения как факта поверхностной структуры, не восходящего к глубинной структуре высказывания. По мнению Дж. Бреснан, это правило (Nuclear Stress Rule) может быть реинтерпретировано и NSR может применяться до поверхностных синтаксических правил, поскольку расстановку ударения определяет глубинный смысл фразы; ср.: *George has plans to leave* (plans which he intends to leave) и *George has plans to leave* (George is planning to leave) (Bresnan, 1971). Считая ударения такого типа языковой нормой, Бреснан не считает их контрастивными. Возражая ей, Дж. Лакоф считает все перемещенные основные ударения (primary stress) контрастивными — *Bury the man you killed* (вы убили кого-то еще) и *Bury the man you killed* — обычное сообщение. Но и Лакоф, и А. Берман, и М. Шамоси считают первич-

ным ударением (primary stress) — факт, по их мнению, поверхностной структуры — и нейтральное фразовое ударение на последнем значимом слове, и сдвинутое, «перемещенное» АВ во фразах типа *It was difficult for Tony to rob the store* (т. е. именно для Тони).

Несомненную трудность выявления прямой связи места ударения и синтаксических структур в принятом понимании этого термина авторы обходят путем выдвижения «лексической гипотезы», по которой свойство манипулировать ударением, изменяя смысл, есть свойство фраз с определенным лексическим составом. Например, ряд *to amuse, surprise, disturb* интересен тем, что если ударение падает не на глагол, то оно передает сознательное действие: *John amused Mary*, если на глагол — то постоянное свойство: *John amused Mary*. Таким образом, дискуссия шла лишь по линии применения правил с NSR — где? когда? и совсем не затрагивала проблемы функциональной тождественности — нетождественности выделенного компонента и компонента под нейтральным ФУ.

Отвлекаясь от вопросов обсуждения акцентного феномена как такового, легко увидеть ключ к расхождению подобного рода в явлениях чисто терминологических, поначалу как будто бы и несущественных. Речь идет, конкретно, о разном понимании слова «фраза» в английской и русской лингвистической традициях. Для исследователей английского языка «фраза» (phrase) есть некоторый аналог словосочетанию, но не фразы, например, в понимании А. М. Пешковского, поэтому, для англиста, «фразовым ударением» в принципе могут, причем в той или иной степени, быть отмечены все знаменательные или даже служебные слова в высказывании. Очень характерны и проясняют ситуацию в этом смысле положения, высказанные В. Е. Шевяковой в ее недавней очень интересной книге (Шевякова, 1980). Так, в предложении *Джон уехал в Оксфорд* (*John has left for Oxford*) выделены «фразовым ударением» слова *Джон, уехал, Оксфорд*, причем, как указывается в книге, слова *Джон* и *уехал* выделены простым динамическим фразовым ударением, а слово *Оксфорд* — тоническим фразовым ударением, т. е. логическим (Там же, с. 70); см. с. 83, где говорится о том, что логическое ударение «нельзя противопоставлять фразовому ударению, но в то же время нужно отличать от простого фразового (непредикатного) ударения из-за различий как по акустическим свойствам, так и по функции.

Таким образом, неэквивалентность термина «фразовое ударение» в русской и английской традициях создает, на наш взгляд, уже не терминологические, а теоретические трудности для русских исследователей английской (и — сопоставительно — русской) интонации из-за неоднозначности этого понятия. Более того, в русском языке терминологически различаются и типы атрибутивного словосочетания: так, «фразовая интонация», как представляется, есть понятие общее, генерализованное, а «интонация фразы» может обозначать и звуковой просодический компонент отдельной, конкретной фразы (ср. *детская улыбка* и *улыбка ребенка*). Поэтому можно, например, говорить о словесно-просодическом компоненте в «интонации фразы» и нельзя — в применении к «фразовой интонации». Без такого проникновения в семантику терминологического пласта нельзя иногда понять и предлагаемую теорию в целом. Так, например, с высказыванием В. Е. Шевяковой «Логическое ударение — это особая разновидность фразового ударения» (Там же) нельзя не согласиться. Однако в контексте указанной книги это означает, что логическое ударение — это ударение, организующее высказывание в целом, в отличие от других фразовых ударений, выделяющих слова или словосочетания, но, как и они, надстроенное над словесным ударением. В той же трактовке, которая предлагается в настоящей книге, логическое ударение понимается как акцентное воплощение скрытой пресуппозитивной категории, способности создавать особую контекстную ауру, но оно может наслаиваться на фразовое ударение, фразовое же ударение без этого наложения остается основным интонационным фактором, организующим высказывание в целом.

АВ и вопросо-ответная теория

Отождествление АВ со сдвинутым интонационным центром, фразовым ударением или соположение АВ в один ряд с интонационным центром (принимать ли этот тезис или не принимать) не относится к числу теоретических установок на содержательную интерпретацию АВ. Как мы говорили, попытки интерпретировать АВ, передать его содержание через один какой-либо смысловой эпитет, активно предпринимались и предпринимаются.

Одной из них является установка на связь АВ в декларативном высказывании с некоторым вопросом, задаваемым или как бы задаваемым по отношению к ударному компоненту этого высказывания: *Кто скачет, кто мчится под хладною мглой? Ездок запоздалый, с ним сын молодой* и т. п. Разумеется, эти вопросы могут быть разными, даже для одного и того же декларативного высказывания. Например, фраза типа *Таня поедет* в сущности может быть ответом на серию вопросов самой различной социокоммуникативной сферы: *Кто из ваших дочерей поедет в Москву учиться? Как вам удастся встретить гостя так рано? Вы не забыли, что нужно поздравить тетю?* и т. п. Таким образом, при этом подходе высказывание с АВ вовлекается в систему, подобную диалогу, с возможными реальными и квазивопросами. Иначе говоря, для высказывания с АВ конструируется контекст. См., например, очень интересную в этом отношении статью Р. Гантер о месте акцентного выделения в диалоге (Gunter, 1966) — «Контекстная грамматика начинается примерно со следующего утверждения: всякое воплощенное высказывание сигнализирует о своей собственной специфической соотнесенности с контекстом» (Там же, с. 165), Контекст может быть открытым, т. е. очевидным: *What did John buy? — John bought a sport car* и не-очевидным, тогда мы можем его сконструировать. Роль АВ в создании обоих видов контекста очень велика — «Если имеется соотнесенность с открытым контекстом, место ударения специфицирует, какова эта соотнесенность; если же представлена соотнесенность с не-открытым контекстом, место ударения сигнализирует сам этот факт и одновременно ограничивает форму и содержание этого не-открытого контекста» (Там же, с. 167).

Р. Гантер выделяет 3 типа отношений в диалоге между ответной репликой и контекстом:

1. Ответ повторяет лексемный состав предыдущего предложения: 1) *The man can see the boy.* 2) *The man can see the boy.*

2. Возможна замена одной из лексем: 1) *The man can see the boy.* 2) *The man can see the girl* — тогда АВ отмечается новая информация, которой нет в первом случае.

3. Реплика содержит некоторое добавление к предыдущей: 1. *The man can see the boy.* 2. *The man can see the boy clearly* — и в этом случае подчеркивается новая информация. Если в высказывании выявляется несколько

АВ, то можно говорить о таком же количестве элементов новой информации: *The woman can see the girl*.

Представляется, что метод соотнесения АВ — высказываний с потенциальным или реально обнаруживаемым (или однозначно конструируемым) контекстом справедливо подчеркивает основное свойство АВ — выводить данное высказывание в более широкую прагматическую сферу, сообщать информацию, дополнительную к той, которая непосредственно в этом высказывании содержится. Однако существовавший в течение долгого времени запрет на объяснение лингвистических явлений нелингвистическими феноменами заставлял обязательно вводить высказывание с АВ в рамки контекста, т. е. такого же языкового факта, хотя бы даже и гипотетического. Теория пресуппозиций в некотором смысле облегчает эту задачу, давая возможность отделять реальный контекст, в который входит высказывание с АВ, от контекста-тени, однако столь же коммуникативно объективного. Так, за фразой с АВ — *Только он не вернулся* — стоит «тень» *Остальные вернулись*, совсем необязательно присутствующая в контексте. И при методе подхода к высказыванию с АВ как контекстно включенной реплике сложность создает представленное неразличение АВ и ФУ. Так, инициальная фраза типа *Кто купил синюю машину?* может сопровождаться ответом *Ее купил Петр* (без АВ) и ответом *Ее купил Петр* (с АВ и тенью сопровождения типа *Да, именно Петр, а не кто-то другой* или *Представьте себе, Петр и купил машину* и т. п.). Смешение АВ и ФУ снимает и спутывает эти различия: ведь оформленная по всем интонационным нормам реплика — ответ *Ее купил Петр* (без АВ и с ФУ на *Петр*) не вносит теневого сопровождения.

АВ и категория определенности— неопределенности

Содержательной характеристикой АВ, также связывающей его с реальным речевым потоком — текстом, является распространенное соотнесение АВ с категорией определенности—неопределенности (см.: Николаева 1979а).

При всех расхождениях и разночтениях, связанных с пониманием определенности и неопределенности (пучки категорий? цельные категории? вообще разноплановые

явления?), тот аспект определенности — неопределенности, который обычно связывается с просодическим выделением, является лишь кореферентностью, определенностью в узком смысле, т. е. упоминанием — неупоминанием в тексте. Определенность трактуется как явление анафорического плана. Точнее, будучи распространенной на языки как артиклевой, так и безартиклевой принадлежности, идея обсуждения просодической выделенности связывается с двумя моментами, не совсем прямо противопоставленными: предупоминанием (анафорой) и неопределенным артиклем.

Хотя об оппозиции ударности — безударности как формальном средстве передачи содержательного противопоставления известного — неизвестного упоминал уже В. Матезиус, писавший, что сильное ударение не падает на «односложные слова, уже известные из контекста или из ситуации — *Stryc nepřijel, Prah nemusite mýt'*» (Mathe-sius, 1947), более основательно связь ударности — безударности и известности — неизвестности вошла в обиход с развитием теории текста (в основном — анафоричность) и теории актуального членения (в основном — проблема артикля).

Так, сама идея текста связывается для Р. Харвега (Harweg, 1968, 1968a, 1969, 1970, 1972) с непрерывной цепочкой (*lückenlos*) замен и первичных употреблений. В соответствии с этим он выделяет три функциональных класса — *Substituenda* (подлежащее замене), *Substituentia* (замена) и *Substituenda / Substituentia*. Функции их различны: *S-da* ограничивают текст точками новой информации (функция делимитации), *S-tia* его скрепляют, формируют (функция субституции). Например,

S-da — ein Mann, einige Kinder, mehrere Menschen, zwei Häuser, jemand, etwas.

S-tia — der Mann, diese Kinder, jene Menschen, der / dieser, jener, dort, er / sie / es.

S/S — Mozart, Goethe, die Frau, alle Frauen (родовые понятия)

S-da должны быть ударны, *S-tia* безударны (по типу передаваемой информации они *alt* и *wiedergenommen*). Трудность представляют собственные имена — в зависимости от предупоминания они могут быть как ударными, так и безударными. Теория Р. Харвега несколько сложнее, чем излагается нами, так как на упомянутую оппозицию он насаивает еще оппозицию *Kleinraumtext* —

«Текст, где представлена только непосредственно цепочечная текстовая связь», и Grossraumtext, где «отдельные части текста могут быть соотнесены не с непосредственно предшествующими, а с более дальними и даже — с другими текстами». Поэтому абсолютное начало может быть и безударным, как бы включаясь в некий больший текст.

В специальной статье о кореферентности и фразовом ударении А. Шведек (Szwedek, 1976) считает, что в английском языке ударение как бы ищет имя с неопределенным артиклем «нормальная интонация помещает фразовое ударение на неопределенном имени, если таковое имеется» (Там же, с. 18). Если есть только определенные имена, то ударение падает на конечный элемент, а если конечный элемент и есть определенное имя, то на глагол (см.: The man was coming, но A man was coming).

Высказывались даже общие положения, что местоимения (по идее своей анафоричные) всегда безударны (см.: Bickerton, 1975).

В ряде работ Я. Фирбаса (которые более подробно будут обсуждаться в дальнейшем) указываются даже правила расстановки функциональной перспективы предложения, где просодически сильным обычно бывает имя с неопределенным артиклем или его эквивалент в безартиклевых языках — I have read a fine book; Ich habe ein schönes Buch gelesen; Četl jsem pěknou knihu (Firbas, 1972).

Интересной и очень четкой по формулировкам статьей, специально посвященной этой проблеме, на русском материале является статья Н. С. Поспелова (1970). Он анализирует 4 варианта: *Поезд пришел* (сообщение о приходе поезда); *Поезд пришел* (а ждали чего-то другого); *Пришел поезд* (какой-то, которого не ждали); *Пришел поезд* (его очень ждали). Во втором и третьем случаях представлена (хотя и разная) степень неопределенности имени. Таким образом, «определенность существительного возникает при отсутствии ударения на нем. При этом определенность значения неударного существительного подчеркивается при его инверсии, т. е. в положении после глагола-сказуемого.

Неопределенность имени существительного возникает при наличии ударения на существительном. При наличии ударения значение существительного оказывается более неопределенным при его инверсии» (Там же, с. 189).

Однако за тезисом об ударности—безударности стоит

не совсем точная формулировка самого свойства быть ударным. Книга наша посвящена акцентному выделению, просодической маркированности. Как же она соотносится с делением имен на определенные и неопределенные. Оказывается, что имена определенные вполне могут быть отмечены АВ, например:

1. *Я вчера вновь увидел своих друзей, поэта и гусара. Поэт очень постарел; Это мог сделать либо Ваш сын, либо Ваш брат! — Ну, за сына я ручаюсь.* Здесь мы имеем контраст за пределами одного высказывания, контраст парадигматический. Как мы писали неоднократно (см.: Николаева 1979а), такого рода контраст как раз и связан с кореферентностью, с известностью. «Использование в предложении контрастной темы предполагает, что сообщаемое в остальной части предложения не будет справедливо для остальных членов множества. Контрастные темы вводятся, когда то множество, из которого берется каждая тема, представляет информацию старую и предсказуемую (old predictable information)», например:

А — Among John, Bill and Tom, who teaches nigh school?
В — *John* does (Kuno, 1976).

Автор указанной выше статьи о кореферентности и фразовом ударении А. Шведек также пишет, что контрастное ударение не соотносится с кореферентностью: *Mezscyzna bił ja* равно по кореферентности *Mezscyzna bił ja*.

2. Контрастное ударение синтагматическое также может наслаиваться на упомянутые имена: *Две сестры, старшая и младшая, занимались спортом. Старшая сестра увлекалась плаванием, младшая сестра — велосипедом.*

3. Столь же свободно анафорические имена (rag excellence местоимения) сочетаются с так называемыми акцентирующими частицами:

же противопоставительное — *В ее семье все увлекались спортом. Она же была к нему совершенно равнодушна;*

же отождествительное — *Вот сад, он же и огород;*

даже — *Вспомни свою кроткую мать. Даже она была бы возмущена;*

и — *Слышался только лай собак. Наконец, и они притихли;*

только — *Особенности художника принадлежат только ему — они составляют часть его собственной природы;*

один — *Все тихо лежали на лавках. Одна она не могла сомкнуть глаз и т. д.*

С еще большей легкостью акцентирование накладывается на упомянутые в тексте имена существительные, на имена известные, определенные, не несущие на себе основной информации.

Напротив, имя неопределенное может не нести на себе АВ: *Одна женщина рассказала мне необычайную историю* (ср. *Эта женщина рассказала мне необычайную историю*); *Мимо нас пробежал какой-то мальчик* (ср.: *Мимо нас пробежал все тот же мальчик* и т. д.); *Парадная дверь вдруг отворилась, и из нее вышла старушка* (ср.: *Парадная дверь вдруг отворилась, и из нее вышла моя невеста*).

Сходные примеры приводит и весьма совпадающая по взглядам с излагаемыми здесь С. Шмерлинг в книге об английском фразовом ударении (Schmerling, 1976). Возражая против общей идеи непременно неподчеркнутой анафорики, она приводит следующие примеры: I know who's standing in front of Mary, but I don't know who Mary's in front of; I know who's standing in front of Mary, but I don't know who she's in front of (p. 58).

Точно так же подчеркнутость неопределенного имени может зависеть от ситуации: Our department is looking for a man who can teach mathematical linguistics. A man не выделено, имеется в виду преподаватель вообще. Но — Our department is looking for a woman who can teach mathematical linguistics (специально решили брать женщину). Но на такое заявление может откликнуться и мужчина: What about a man who can teach mathematical linguistics? (p. 69). Таким образом, можно делать следующий фундированный вывод: АВ не связано с категорией определенности — неопределенности; АВ может накладываться на имена обеих категорий.

Тогда в чем же дело? Неужели все ошибались, связывая неопределенность с ударностью? Обратимся еще раз к примерам Н. С. Пospelova: *Поезд пришел* (сообщение о приходе поезда) — *Пришел поезд* (какой-то, которого не ждали). Эти примеры не сопоставимы с примерами *Пришел поезд* и *Поезд пришел*. Почему же? Потому что в примерах первой группы нет АВ, а второй — есть. Таким образом, здесь возможна шестичленная совокупность, а не четырехчленная: 1) *Поезд пришел* (только с ФУ, но без АВ); 2) *Пришел поезд* (то же), 3) *Поезд пришел* (а ждали чего-то другого, с АВ), 4) *Пришел поезд* (наконец-то, с АВ); 5) *Поезд пришел* (все-таки пришел —

с АВ); 6) *Пришел* поезд (а не то, что вы думали — также с АВ).

Из шестичленного ряда видно, что АВ, как и всегда, создает коммуникативную ауру вокруг высказывания, расширяет его пределы в коммуникативном плане.

С категорией определенности — не определенности связано не акцентное выделение, а фразовое ударение².

Действительно, индоевропейское предложение, особенно для группы славянских языков, устроено таким образом, что в большинстве случаев именно неопределенное имя — объект (или субъект) располагается в конце высказывания, в той позиции, куда по правилам интонационного фразового оформления и помещается фразовое ударение. Более всего к нейтральному фразовому ударению тяготеет специфическое неопределенное имя. Специфическое неопределенное имя — это имя конкретного объекта, только не идентифицированного, неспецифическое неопределенное имя — это данный класс вообще (различение этих видов имени важно и прагматически — *Mary wants to marry a Swede* — за конкретного или любого? *John and Jack are looking for a pretty girl* — ищут одну девушку или две? Kasher, Gabbay, 1976).

Нейтральное, без АВ, произнесение чаще всего связано с повествованием, с сообщением о некоторой ситуации — либо в одном высказывании, либо в цепочке высказываний, дополняющих одно другое. Итак: 1) нейтральным ФУ характеризуется обычно конец высказывания; 2) повествование (описание) есть очень распространенный способ сообщения; 3) в повествовании характерно введение специфических, т. е. конкретных, неопределенных имен, 4) по правилам и-е. (особенно славянского!) порядка слов они обычно помещаются в конце высказывания, 5) таким образом, они связываются с нейтральным ударением, с ФУ, (но не с АВ!).

АВ и идея контраста

Если вопросо-ответная теория и соотнесение с категорией определенности связывают АВ с текстом, включающим в себя высказывание с АВ, а теория отождествления

² К сожалению, в работе Николаевой (1979а) еще не дается такой формулировки, ФУ там помещается в тот же ряд, что и АВ, хотя и в виде нуля.

АВ и ФУ связывает АВ с фонетико-интонационными данными, то в существующей литературе представлена и разного рода содержательная интерпретация АВ, непосредственно соотносящая АВ с той или иной смысловой категорией. В первую очередь АВ соотносится с идеей контраста. Более того, АВ во многих работах так и называется контрастным, или логическим, ударением. Так, Д. Болинджер в статье, различающей понятия «contrastive accent» и «contrastive stress»³ (Bolinger, 1961), определяет функцию логического ударения как контрастивную и считает «основной задачей лингвистов — устанавливать контрасты на всех уровнях».

Во многих работах, посвященных функциям интонации, все случаи, не соотносимые непосредственно с автоматизированным ФУ, интерпретируются только и только как носители контрастного значения. См., например, в статье В. С. Юрченко (1961) при толковании сдвига ударения во фразе *Мальчик читает книгу*; *Мальчик читает книгу*; *Мальчик читает книгу*; *Мальчик читает книгу* добавление толкования во всех случаях через «а не»: «а не газету; а не рассматривает; а не девочка» (Там же, с. 140—141).

Таким образом, устанавливается дихотомия: нейтральный («нормальный») вид ударения versus контрастное ударение. *Tertium non datur*. Характерно, что во многих статьях, посвященных контрастному, нормальному ударениям (Fuchs, 1976; Schmerling, 1974), основной пафос — доказать, что высказывания с «контрастным» ударением тоже «нормальны». Так, С. Шмерлинг (*Presuppositions and the notion of normal stress*) высказывает эту мысль достаточно прямо: «...разве можно считать, что предложения, с которыми ассоциируются пресуппозиции, менее нормальны для естественного языка, чем те, с которыми никакие пресуппозиции не ассоциируются» (р. 244). Считая все объективно возникающие в речи ударения «нормальными», она предлагает снять оппозицию нормальное — контрастивное ударение, заменив ее оппозицией сильного — слабого ударения (*heavy—reduced stress*) (таким образом, «подлинная проблема фразового ударения вообще

³ В этой статье термином «contrastive accent» называется именно АВ, в нашем понимании, «contrastive stress» — это перенос ударения в слове *-hôtel—hôtel*, т. е. сдвиг ударения, соответствующий пониманию контраста как противопоставления на синтагматической оси.

состоит в том, чтобы приписать соответствующий уровень ударения ассертивному материалу» — с. 248).

Попытку восстать против этой дихотомии сделала Дж. Бреснан (Bresnan 1971; 1972), приводя ряд случаев отмеченного ударения, не являющегося ни нейтральным, ни контрастивным, например, ударение, определяемое ею как *topically stress*: *The sun is shining*; *A new book is appeared*; *An umbrella was lost* ⁴ (Bresnan 1972, с. 427). Примеры и квалификации Бреснан встретили дружные возражения (Lakoff, 1972; Berman, Szamosi, 1972) в основном в том плане, что она считает неконтрастным то, что на самом деле контрастно.

Критикуется ли здесь идея контрастивности как обобщенной смысловой категории, передаваемой АВ? Ответить на этот вопрос сложно и не потому только, что действительно во многих случаях АВ передает противопоставление. Дело еще и в том, что, как представляется, идея контрастивности АВ привела к разработке принципиально новой для лингвистики коммуникативно-текстовой категории — контрастоспособности лексемы (Kontrastfähigkeit). В основном эти идеи связаны с именами Е. А. Брызгуновой и западногерманского лингвиста Р. Харвега.

Е. А. Брызгунова (1970; 1973), автор наиболее разработанной теории контрастоспособности классов лексем, формулирует идею о том, что «в слове потенциально заложена семантика противопоставления, которая реализуется в процессе взаимодействия с интонационным центром. Можно выделить несколько видов семантики противопоставления, общей основой которой будут отношения двух членов (или одного члена и ряда членов). Какое-либо слово может потенциально обладать одним или несколькими видами семантики противопоставления» (Там же, с. 47) Брызгунова намечает как бы два ряда семантики противопоставления: противопоставления глобального характера, относящиеся к односинтагменному высказыванию в целом — «именно это, а не то», «да или не да», «и это тоже», «это известно, а то?», «это одно, а это другое», и противопоставления по-лексемные — так, имена, например, свойства имеют один ряд (все известные свойства), глаголы же более склонны к противопоставлению да / нет. Смысловое выделение контрастирующего слова создает контекст, например, предложение *Где Павел будет жить?*

⁴ См. гл. IV настоящей книги.

читается по-разному в контекстах: *С работой все ясно. Где Павел будет жить? и Николая устроили. Где Павел будет жить?*

В многочисленных работах Р. Харвега по текстовой функции ударения также говорится о том, что у слов бывает разный объем семантико-противопоставительных связей — *Inklusionskapazität*. Ряд его работ посвящен различию в способности принимать контрастивное ударение у слов, близких по смыслу (например, *Ein Mensch, eine Person und Jemand*, 1971). Так, *jemand* — всегда безударно, оно не контрастирует ни с чем⁵; *Mensch* может быть ударным, так как оно контрастирует с *Tier*; *eine Person* контрастивно, но ударение на нем неграмматично — или смысл сочетания меняется: *Bei dem Unglück kam eine Person ums Leben*.

Более того, в другой своей работе, посвященной числительным, Харвег (Harweg R., 1973) показывает, что и в ряду числительных даже первого десятка и немного более есть некоторый предел невыделения числительного — так, можно сказать *Heute nachmittag waren zwei Studenten*, но **Ich habe gestern zwölf Eier gegessen*, а только *Ich habe gestern zwölf Eier gegessen*. Предел этот лежит, по мнению Р. Харвега, в области 5—6 единиц. И в работах Брызгуновой, и Харвега большое значение придается прилагательным, как особому контрастоспособному классу, способному изменить уровень и объем противопоставления (**Nebenan schläft ein Mensch — Nebenan schläft ein kranker Mensch*). В специальной статье Г. И. Климовской (1968) говорится о «большей информативности прилагательного», отчего оно и отмечается контрастным ударением более всего. Она выделяет и виды противопоставлений в зависимости от контекста, в который входит «член отталкивания», — внутрифразовые (собственно и несобственно противопоставления) и внутриконтекстные (собственно и несобственно противопоставления).

Итак, как будто бы можно согласиться с идеей контрастности как со смысловой доминантой АВ? (так, даже для служебных слов вскрываются тонкие текстовые возмож-

⁵ С. Шмерлинг (Schmerling, 1976) показывает, однако, что и неопределенные местоимения, считающиеся обычно безударными, также могут быть объектом акцентного выделения: *There must be someone who can figure out what to do; Things are more and more suspicious-looking when he won't let anyone have access to the tapes* (p. 70).

ности противопоставления: *It is not a precious stone, it is the precious stone* (Волик, 1976)?

Однако в той же статье Г. И. Климовской приводится ряд примеров, где, по ее мнению, нельзя говорить о противопоставлении, но только о подчеркивании — *Масленицу* всенародную *праздновали*.

Например, таково АВ при интенсификациях — *Мне очень понравилась Ваша жена* (А не не очень, как предполагалось?); *Я абсолютно с ним не согласен*; *Он просто совсем не знает алгебры*; *Мы ежегодно посылаем туда запросы* и т. д.

Таково АВ при результативных употреблениях глагольных форм — *Пришел дядя Ваня* (т. е. все-таки пришел). *Он все продумал. И добился желанных результатов*.

Таково АВ при уточняющем атрибуте: *Мы собрались сегодня на филологическом факультете МГУ...* (явно смысл подчеркивания не в противопоставлении остальным факультетам); и атрибуте оценивающем: *Ко мне сегодня обратилась одна очаровательная дама*; *Скромным его никак не назовешь* и т. п.

Таким образом, не все АВ обладают семантикой контраста, более того, семантика подчеркивания, значения «именно», обычно включаемая в контрастивную категорию со значением Х — не-Х, также, по нашему мнению, не может быть включена в контраст, реализуемый в пресуппозиции. Если уходящему человеку напоминают: *Ключи не забудь*, значение «именно» несомненно присутствует в АВ и столь же несомненно никакого контраста здесь не предполагается. Таким образом, смысловое поле АВ оказывается шире одной только семантики противопоставления.

АВ и идея важности

Мы говорили о вещах принципиально неразрешимых, но связанных изначально с теорией функционирования АВ. Трудности эти, или камни преткновения, едины для всего огромного комплекса проблем, связанных с просодическими явлениями. Это — неразрешимое противоречие между дискретностью фактов лингвистики и недискретностью первичных данных речевого потока, организованного, как и вся зона употребления, по принципу «более или менее». Все сказанное нами до сих пор преподносилось читателю таким образом, как будто в высказывании с лег-

костью можно отличить АВ, даже если их несколько, от остальных элементов, не являющихся АВ. Действительно, на этом в большей степени строится предлагаемая концепция. Однако сущность ее не только в акустико-перцептивной выделимости АВ, но и в их способности выводить слушателя за пределы одного высказывания, будь то контраст парадигматический, по Р. Харвегу — Зиму я не люблю (набор из четырех времен года известен), или синтагматический — Петру понравилась Вера (жди продолжения!), а Павлу — Надя. Говорили мы и о возможной множественности АВ в рамках одного высказывания. Но при этом возникают случаи, когда коммуникативно-текстовый ореол вокруг высказывания неясен. Например: *Heute hat Otto ein Paar Groschen gefunden*; Скромным назвать его никак нельзя; Он не мог продать виски индейцам — как расчленять сопровождающую информацию у таких высказываний? Выявляется при их анализе, что степень интерпретативности у разных АВ бывает различной. Естественно, возникает вопрос об иерархичности выделенных слов в высказывании.

В прямой форме именно о такой иерархичности говорится в работах И. Г. Торсуевой, посвященных категории важности в ее просодическом выражении (Торсуева, 1979; 1974; 1970). Автор предлагает такой всеохватывающий анализ высказывания, при котором оно членится на элементы, «различающиеся для говорящего по степени их важности». Этот вид анализа имеет ряд выгодных особенностей, он не ограничен в количестве элементов по сравнению с другими видами смыслового членения и не оставляет отрезков вне сферы анализа. Торсуева исходит из того, что, даже учитывая необходимую степень субъективности оценки, основой теории является то, что «существует определенная градация по степени важности» — ею разбирается пример *Necesito esa cantidad mañanomismo*, представляемый в виде шкалы элементов, располагающихся по степени важности — V_2, V_3, V_1 , где самый важный компонент — V_1 . Так, трехэлементные шкалы подобной сложности могут иметь вид $V_2, V_1V_2, V_1V_2V_1, V_1V_1V_2, V_2V_1V_1, V_2V_2V_1, V_1V_2V_2, V_2V_1V_2$.

В работах Торсуевой подробно анализируются просодические средства, выражающие степень важности; при этом оказывается, что разная степень важности по-разному коррелирует с просодическими максимумами ($K_{\max}$)

и что эта шкала корреляций сама по себе является типологическим показателем: «...в разных языках одно и то же сочетание может характеризовать V_1 в разных коммуникативных типах. Например, в русском языке V_1 в восклицании имеет тот же набор компонентов, что и V_1 французской повествовательной фразы. А характеристика V_1 итальянской повествовательной фразы соответствует характеристике V_1 общего вопроса в русском языке» (Там же, с. 98).

К этому же направлению можно отнести известные работы чешского лингвиста Я. Фирбаса о распределении в высказывании некоторой смысловой категории — коммуникативного динамизма (КД), интерпретативно приближающегося к категории важности (Firbas, 1972; 1979 и др.). Фирбас соотносит идеи коммуникативного динамизма с актуальным членением, но, строго говоря, его теории автономны, биссектрисе актуального членения в его концепции противопоставляется иерархия членения — собственно тема, переход, собственно переход, рема и собственно рема. Я. Фирбас исходит, в частности, из двух посылок, связанных с градуальностью КД в высказывании: о связи просодических средств с гаммой КД и о корреляции степени КД и лексико-грамматической характеристики слова.

В плане просодическом Фирбас выделяет 4 типа слогов: безударные, частично ударные, ударные, носители ядерного значения (*bearing a nucleus*). Таким образом, «гамма средств КД оказывается богаче гаммы просодических средств». В более ранних работах Фирбас соотносит степень КД скорее с семантико-функциональной нагрузкой частей речи: так, вспомогательные глагола минимальны по степени КД, существительные с неопределенным артиклем — максимальны и т. п.

В более поздней статье Фирбас (Firbas, 1979) соотносит КД уже с общесемантическим представлением высказывания. Так, актант важнее локализатора, обстоятельства места важнее обстоятельств времени, частицы типа *even*, *so far*, *i* «определяют сопровождающий их элемент как носитель самой высокой степени КД» (*as the carrier of the highest degree of CD*).

Степень распределения КД соотносится Фирбасом с линейным расположением носителей КД, иначе, с порядком слов (или смысловых компонентов). «Порядок слов можно

рассматривать как некоторый зеркальный образ (a mirror image) основного распределения КД» (Там же, с. 54).

Так, намечаются две шкалы КД для и-е. языков: сцена (обстоятельства) + показатель появления / существования + феномен, исчезающий / существующий → Adv. + V + S; сцена (обстоятельства) + показатель качества + качество — спецификация + дальнейшая спецификация → Adv. + S + V + O + A.

В каждом языке присутствуют высказывания с организацией обоих типов, но, по его мнению, чешский язык больше соответствует идеалу распределения КД⁶, в английском же языке — много отклонений по шкале 1.

В настоящей книге мы старались останавливаться на работах относительно недавних, так или иначе соотносящихся с теорией АВ, и не заниматься специально «историей вопроса». Однако в данном случае необходимо упомянуть о связи теории важности в ее современном виде с идеей линейной организации компонентов высказывания в зависимости от весомости передаваемой ими семантики — идеи А. Вейля, К. Бооста, К. Г. Крушельницкой, А. Хэтчер, Д. Болинджера (см. Литературу).

В целом, интересная и значительная теория важности, как представляется, не соотносится непосредственно с кругом функций АВ. Об этом говорит, в частности, Фирбас (Firbas 1979, p. 34), оперируя для АВ распространенным названием «второй инстанции»: «предложение второй инстанции — это семантическая и грамматическая синтаксическая структура, которая появляется в случае сильного ad hoc контраста (heavy ad-hoc contrast) из-за одной единственной семантической единицы». Именно эта единица остается контекстно-независимой, а остальные — зависимы. Последнее замечание как будто противоречит тому, что говорилось выше, в связи с работами Е. А. Брызгуновой о том, что только контекст в ряде случаев определяет позицию АВ. Но как это ни парадоксально, противоречия здесь нет. Та коммуникативно-текстовая аура, которая возникает вокруг АВ, может реализоваться и в виде непосредственного контекста (*Все остальные пришли, только он не вернулся*), воплотиться в конситуации (дейктическое указание на «всех», затем — *Только он не вер-*

⁶ См. в гл. V то же представление о русском языке, в связи с порядком слов и «категорией глобальности», очевидно, славянские языки по этому принципу едины.

нулся) и, наконец, оставаться на уровне пресуппозитивного фактора: произнесенное даже изолированно *Только он не вернулся* и предполагает, что все остальные вернулись. Таким образом, элемент «второй инстанции» одновременно и свободен от контекста, т. е. от непосредственного высказывания, психологически он прочитывается как бы «над ним», и в то же время может вписываться в контекст, непосредственно предшествующий, отдаленный или потенциальный.

АВ и эмфаза

Одним из авторов, наиболее четко связывавших акцентное усиление с эмфазой, т. е. субъективным компонентом, модальным подчеркиванием, был В. Матезиус (Mathesius, 1947), различавший усиление (интенсификацию) и эмфазу. Основное средство эмфазы — именно просодия (zvukový důraz). Интенсификация в свою очередь может выражаться и лексико-грамматическими средствами: *Ten plakat nekřičí, ten rve* (Ср. *Lev rve* — как его обычное состояние).

В целом вопрос об АВ и эмфазе, как представляется, связан со следующими проблемами.

Во-первых, это проблема просодических средств выражения эмоционального аспекта высказывания.

Во-вторых, это объективное решение вопроса о том, действительно ли АВ эмфатично по своей природе, отражает ли этот термин некоторое рутинное, но не адекватное действительности представление, эмфатичны ли некоторые, но не все виды АВ?

В-третьих, поскольку эмфазу (экспрессивность) часто связывают с появлением акцентного выделения при инверсии, необходимо остановиться на лингвистической интерпретации этой связи, несомненно существующей.

Оспаривать или отрицать роль просодического фактора при выражении эмоций в высказывании невозможно.

Эмоциональный момент в фразово-просодическом рисунке может воплощаться в двух аспектах: в общей эмоциональной окраске всего высказывания — передача печали, радости, удивления и т. п. В этом случае эмоциональный аспект как бы диффузно манифестируется на всех участках высказывания; 2) особо эмоционально могут быть отмечены некоторые отдельные компоненты — чаще

всего это бывают оценочные прилагательные, интенсивы-наречия и пр. (см.: Торсуева, 1979).

Однако всегда ли можно говорить об обязательной эмфатичности (или экспрессивности) всех АВ? Обратимся к примерам: *В кинотеатр мы попали не в семь, а в восемь часов; Для экскурсии мы выбрали не Владимир и не Суздаль, а Ярославль; Я написала не статью, а рецензию* и т. д. Во всех этих высказываниях противопоставительного плана как будто трудно выявить особую экспрессию или эмфазу.

А если эта же идея противопоставления выражена просодически?

— *Петров или Сидоров сделает это?*

— Сидоров.

— *Дайте билеты, пожалуйста, не дальше десятого ряда.*

— *Яблоки купите. Другие фрукты мы не любим.*

И в этих фразах, как кажется, можно говорить лишь о свойстве просодически выделенного элемента передавать значение контраста, специальной эмоциональности здесь нет: очевидно, не все, что произносится более громко, эмфатично.

Между тем (и в данном случае, очевидно, действует некоторая ложная коммуникативная посылка), безусловно, все экспрессивное громко, но верно ли обратное — все ли громкое экспрессивно?

Рассмотрим экспрессивные АВ, обсуждаемые П. Адамцем (1966): «Теперь мы рассмотрим типы предложений с фразовым ударением в начале предложения. По нашему мнению, такие типы являются стилистическими вариантами типов с фразовым ударением на последнем компоненте, поскольку они встречаются в одинаковых конституциях и передают одинаковую актуальную информацию. С точки зрения актуального членения, следовательно, они синонимичны типам с ударением в конце, отличаясь от последних лишь повышенной экспрессивностью и эмоциональностью» (Там же, с. 54). Приведем ряд примеров, перечисляемых им, вслед за вышеуказанным рассуждением: *Ушли твои товарищи; Будет вечеринка; Не он поедет; /Так не я же диктую/. Производство диктует; Петр победил; И я побежал* и т. д. (Там же, с. 55—56).

Если отвлечься от рутинной схемы лингвистической теории, то, посмотрев непредвзято на языковые факты, будет трудно усмотреть особую экспрессивность или эмфатичность в высказываниях *Ушли твои товарищи; Не он*

поедет; И я побежал, произнесенных в нейтрально-информативном тоне, без определенной (специальной) эмоциональной накладки. Вместе с тем несомненно, что в этой нейтрально-информативной форме данные высказывания будут обязательно произнесены с АВ, т. е. просодическим выделением, на указанных словах.

Обратимся также к сходной точке зрения, представленной в АГ-70, где различаются две группы коммуникативных форм: стилистически нейтральные коммуникативные формы — с логическим или фразовым ударением в конце предложения; интонация таких предложений является нейтральной интонацией литературной речи; экспрессивные и стилистически окрашенные коммуникативные формы — с логическим или фразовым ударением в начале предложения. В книжной речи эти формы базируются на нарушении нейтральной интонационной схемы предложения и обладают особой экспрессивной интонацией (АГ-70, с. 597).

Приведем также примеры экспрессивных форм разных групп, представленных в этом разделе АГ-70: *Пить хочется; Денег нет; Почтальон идет!; Вот уже сливы появились; Закрыт музей; Часы потеряны* (а не деньги); *Охота запрещена* (а не рыбная ловля); *Разрешается гулять; Сидеть разрешается* (а не ходить); *Дел много; Желающих мало* (а свободных мест много); *Уезжать приходится; Не повторится этого; Книг не хватает; Хитрости прибавилось* (а не ума); *Есть где жить; Отдохнуть есть где; Ругать есть кому* (а пожалеть некому); *Начинать пора; Бороться нужно; Нельзя курить; Не видно звезд; Детей не видно; Писем нет; Нет писем; Стройматериалов нет* (а рабочие есть); *Жить — негде; Не на что надеяться; Радоваться — нечему* (а огорчаться есть от чего); *Великая сила — искусство; Мучение — сидеть без дела; Не миновать судьбы; Странные люди — цыгане; Чудак — этот старик; Зима* (а не осень, не лето и т. д.) — мое любимое время года; *Глупость* (а не лень) — мать всех пороков; *Величественна панорама зданий; Просторны цехи завода; Из воска свеча; Дома отец; Живее витрины магазина* (начало выделено. — Т. М.); *Преподавать его дело* (а не писать научные труды); *Грустно расставаться; Нелегко туда проникнуть; Говорить трудно* (а не писать); *Бездельничать скучно* (а работать интересно); *Не расцвести здесь цветам; Вам начинать* (а не кому-то другому); *Не сыграть ей эту роль; Не переплыть речку; Чемодан*

не поднять (а сумку поднять можно); *Сил никаких; Никаких материалов; Это тебе не языком болтать — работать.*

Как представляется, весь этот длинный список выбранных из каждой группы АГ примеров соответствует четырем типам высказываний.

Первая группа — это примеры, сопровождающиеся в тексте конструкцией с «а не», т. е. контрастивного значения: *Часы потеряны (а не деньги); Охота запрещена (а не рыбная ловля), Желающих мало (а свободных мест много); Говорить трудно (а не писать)* и т. п. В этом случае очевидна коммуникативная связь отрицания некоторой существующей в пресуппозиции точки зрения, которая и корректируется.

Непременная эмоциональная насыщенность таких форм также, строго говоря, не предполагается обязательной — в такой же степени, как и любое АВ со значением контрастности, расположенное и не в начале высказывания. В этом смысле знаменательно, что в приведенной цитате говорится о «нейтральной интонации» предложений с фразовым или логическим ударением в конце. Таким образом, высказывания с контрастивным АВ в конце типа *В кино пойдет не она; Я ведь просил меховую шапку* считаются, по логике утверждения, не экспрессивными, а нейтральными.

Вторую группу представляют примеры с неким выделенным членом, но не сопровождающиеся в тексте пометой «а не. . .»: *Книг не хватает; Бороться нужно; Не видно звезд; Детей не видно; Писем нет; Из воска свеча; Живее витрины магазина* — и т. д. В этом случае, как кажется, также в пресуппозиции представлена некая другая точка зрения, с которой идет коммуникативная полемика. И в этом случае, хотя и субъективный фактор представлен в большей степени, не представляется обязательным говорить об эмоционально-экспрессивном факторе. Так, можно ли считать непременно экспрессивным все модальное? Экспрессивна ли фраза *Я хочу спать?* или *Ты должен уходить?*

Третья группа — высказывания с инициальным глаголом и с семантикой результативного плана — *Закрыт музей; Есть где жить; Нет писем; Не миновать судьбы; Нелегко туда проникнуть; Никаких материалов* и т. д. Здесь также видна коммуникативная связь с другой точкой зрения (или вопросом), и здесь очевидна тенденция к выходу за пределы одного высказывания, введение его

в более широкие коммуникативные рамки. Экспрессивность в этих высказываниях в свою очередь несколько выше.

Четвертая группа высказываний с инициальным АВ — это инвертированная глобальная ситуация, действительно, по своей функции (привлекать внимание в минимальный срок), содержащая экспрессивный момент: *Уезжать приходится; Дома отец; Пить хочется* и т. д.

Таким образом, инициальная позиция с АВ начальным совсем не связана непременно с экспрессивностью или эмфатичностью. От нейтрального варианта высказывания с АВ отличаются не эмфатичностью, а все тем же, неоднократно нами отмечавшимся свойством выводить высказывание за его непосредственные коммуникативные рамки. Интересно, что об этом говорит, в связи с примерами *И я побежал, Даже Валован растерялся*, П. Адамец, как было сказано выше, отстаивающий концепцию непременной экспрессивности инициальных АВ: «В таких частях имплицитно содержится информация о том, что данное V касается или может касаться и других S; в предложении *И я побежал* имплицитно содержится *Другие побежали, Все побежали* и т. д., хотя эксплицитно это заранее не было сказано» (Адамец, 1966, с. 56).

Наиболее отчетливо идея независимости эмфатичности и акцентной выделенности высказывается в упомянутой выше книге В. Е. Шевяковой (Шевякова, 1980), со всеми положениями которой в этом плане можно, в рамках предлагаемой в настоящей книге теории, только солидаризироваться. Так, В. Е. Шевякова, говоря о русском языке, пишет о том, что перенос ремы в начало «может создавать впечатление необычности, а следовательно, эмфазы», но и начальная тема, и начальная рема бывают в русском языке без эмфазы, во всяком случае без целей эмфазы (Там же, с. 52) и, далее, «эмфаза может иметь место не только на реме, но и на теме, т. е. накладываться на фразовое ударение любой степени и любой функции» (Там же, с. 75). Эта идея автономности эмфазы как категории, не склеенной с акцентным выделением воедино, последовательно прослеживается во всей книге.

Идея непременной связи АВ и эмфатичности в большой степени основывается и на обычных человеческих ассоциациях: громкое — эмоционально. Однако оно связывается и с недостаточной включенностью интонологических знаний в общелингвистическую теорию: усиление

тех или иных просодических характеристик, в том числе акцентное усиление, есть категориальный факт просодии как системы со своей внутренней содержательной нагрузкой; его нельзя смешивать с общебытовым представлением об эмоциональности «повышением голоса».

Тем не менее инициальное АВ в приведенных примерах действительно связано с одним синтаксическим явлением — инверсией. Инверсия вызывает АВ. Прекрасные примеры этого — от уровня словосочетания до уровня предложения показывает И. И. Ковтунова (1976а) — *Длинный вечер; На мокром асфальте; Шум поезда; Почернело от дождей; Кончаю институт; Быстро оделся; Стало весело; Солнце исчезло; Под квартирой был погреб* и т. д. Но — *Холодом ударяло в лицо из заболоченных чащ; Редки деревни на Белом море; А это парк начинается; Я лебедчиком работаю* и т. д.

Таким образом, порядок слов, ФУ и АВ связаны. При некотором нормативном порядке слов определенным образом располагается семантическая информация и имеет место только ФУ. АВ может либо накладываться сверху, либо возникать при инверсии, являющейся дополнительным сигналом коммуникативной перестройки. Порядок слов является, следовательно, как бы некоторой формальной единицей, соответствующей содержательной единице — категории линейного синтаксиса. Именно о структуре этой формальной единицы в ее отношении к смыслу и писали исследователи линейной организации предложения, начиная от А. Вейля; именно с ней, как представляется, и связана категория важности, о которой мы говорили.

АВ и актуальное членение высказывания

В предлагаемом в настоящей главе разборе основных интерпретативных концепций, связанных с акцентным выделением, анализируется каждый из смысловых пластов, так или иначе ставящихся в соответствие АВ, — по отдельности. Эта особенность именно в применении к актуальному членению кажется во многом натяжкой из-за категориальных особенностей актуального членения.

Однако в той же степени, как и связь с интонационным центром и фразовым ударением, связь АВ с актуальным членением предполагалась и предполагается неразрывной.

В известной степени предваряя то, что будет говориться ниже, можно заранее сделать заявку на следующий парадоксальный вывод: на самом деле связанность или несвязанность в лингвистической теории акцентного выделения и актуальность членения не столь существенна для обсуждения. Этим соотношенность (или несоотношенность) с актуальным членением отличается от методически небезразличной к содержательно-интерпретативному поиску идеи соотношенности АВ с интонационным центром или с экспрессивностью. Безразличность эта, как представляется, коренится в самой концепции актуального членения.

Дело в том, что с самого начала концепция актуального членения не имела смысловой интерпретации, это было лишь фиксированием некоторого явления, осуществляющегося в плоскости высказывания — «формальный способ включения в контекст» (Матезиус, 1967). Этому несомненному в своей эмпирической наблюдаемости феномену лингвистическая теория с течением времени стала придавать различные содержательные толкования: оно соединилось с идеей линейного расположения элементов по степени важности, с оппозицией данного—нового, оппозицией известного—неизвестного, оппозицией неважного—важного, того, о чем говорится — того, что сообщается, оппозицией определенного—неопределенного. К некоторому периоду как бы предполагалось, что все перечисленные члены оппозиций манифестируются в высказывании единообразно: левые компоненты воплощаются в теме, правые — в реме. В начале 70-х годов раздался голоса о том, что указанные оппозиции могут самым различным образом манифестироваться в высказывании, а вовсе не по образцу описанной выше простейшей схемы (см.: *Papers on Functional Sentence Perspective*. Praha, 1974; *Topic and Comment. Contextual boundness and focus*. Hamburg, 1974). Один из авторов, О. Даль, вдруг заметил, что «решение проблемы АЧ оказалось еще более далеким и неясным, чем много лет назад» (Dahl, 1974). На настоящем этапе, как представляется, суммируя самые последние высказывания, неизменными и основополагающими остаются следующие позиции, применяемые к актуальному членению: «1) во всяком высказывании непременно должна быть рема, т. е. коммуникативный центр; 2) принципиально новым в каждом высказывании является отношение между темой и ремой. Именно это

отношение и составляет коммуникативную цель высказывания» (Ковтунова, 1976, с. 45).

Однако, как и во всякой плодотворной (хотя бы в начале) теории, в концепции актуального членения изначально существовала возможность несводимых друг к другу трактовок, как бы синонимичных, но на самом деле подменяющих друг друга. Поясним сказанное. Идея членения высказывания в его актуальном воплощении, как будто предполагает бинарное расслоение — деление его на две части — тему и рему. Следует ли из этого, что во всяком высказывании должны быть найдены оба компонента и лингвистические доказательства должны обеспечить и подтвердить правильность осуществленного поиска? Или достаточно найти только один из этих компонентов, а второй возникнет автоматически? Если да, то какой из них важнее для поиска — тема или рема? Представляется, что ответов на эти естественные вопросы теория актуального членения никак не дает, и потому выбор принципиального решения есть вопрос лингвистического *scredo* исследователя. Наблюдаемое реально во многих работах по актуальному членению последнего десятилетия это *scredo* выглядит следующим образом: осуществляется поиск ремы (а все же не темы), отмечается рема, все же остальное как бы должно считаться темой.

Тогда в этом случае всякое «отмеченное» слово, по тем или иным причинам причисленное к «важным» (наиболее важным!) частям высказывания, будет ремой. Таким образом, рема становится центральным понятием, концептом с множеством несинонимичных способов воплощения.

В большинстве исследований, так и иначе трактующих связь актуального членения предложения с просодической выделенностью какого-либо элемента, в явной или неявной форме присутствует некая точка зрения, обобщить которую можно в виде следующей цепи формулировок.

1. Во всяком высказывании есть главноударный элемент.
2. Обычно этот элемент располагается в конце звучащего отрезка.
3. В конце высказывания обычно помещается рема.
4. Следовательно, этот выделенный элемент связан с ремой, возможно, он неотделим от ремы.
5. Поэтому: там, где в высказывании рема, должно быть сильное ударение.

6. И наоборот: где есть сильное выделение — там и рема.

7. Существуют некоторые слова (например, частицы), влекущие за собой акцентное выделение связанных с ними слов.

8. Поэтому: они ремовыделители (см. п. 6 «где громко, там и рема»).

9. Рема — это новое, неизвестное, важное.

10. Поэтому: новое — ударно, старое — безударно (соответственно, в артиклевых языках имя с определенным артиклем чаще безударно).

11. Главноударное слово — это интонационный центр.

12. Поэтому (поправка к п. 6): где громко — там рема, там же и интонационный центр.

13. Ударенный элемент может иметь контрастивное значение.

14. Контраст — это эмфаза, это экспрессивный вариант того же обязательного ударного компонента — ремы.

Таким образом, неотъемлемая связь акцентного усиления и ремы является одним из краеугольных камней теории актуального членения. См., например: «Неотъемлемой частью речевой фразовой интонации является ударение, в том числе — логическое (оно же: предикатное — по С. И. Бернштейну, тоническое — по М. А. К. Халлидею, ядерное — по А. Гимсон и В. А. Васильеву, ударение настоятельности — по М. Граммону и Л. Руде, ударение новизны — по М. Шубигер, фразовое — по В. А. Васильеву, О. А. Норк и Е. А. Брызгуновой, рематическое)» (Шевякова, 1977). Ядро (comment) обычно требует главного ударения (main stress). (Kiefer, 1978).

«Тема и рема имеют свои интонационные показатели: тема, расположенная в начале предложения, выделяется повышением тона; рема, расположенная в конце предложения, выделяется фразовым ударением, сочетающимся в повествовательных предложениях с понижением тона.

Интонация в синтагматически зависимой позиции непосредственно выполняет функцию выражения темы и ремы: тема выделяется особым повышением тона, заметно изменяющим интонационную структуру фразы; ударение на реме может превышать по силе обычное фразовое ударение» (Ковтунова, 1976, с. 52, 56).

«С меной сильного ударения (dôrazu) изменяется и ядро высказывания: *Podaj mi moju knihu*; *Podaj mi moju*

knihu! Podaj mi moju knihu (Ružička—Slovenská reč, 1961, č. 5).

См. далее: «Не зная места фразового ударения в конкретном предложении, предположим, *Петру понравилась Вера*, мы не можем равным счетом ничего сказать об актуальном членении этого предложения, поскольку в предложении *Петру понравилась Вера* оно совершенно иное, чем в предложении *Петру понравилась Вера*, или в предложении *Петру понравилась Вера*» (Адамец, 1966, с. 8).

Из сказанного видно, что теория акцентного членения связывает с ремой акцентное усиление (фразовое ударение). Однако сама теория актуального членения в ее общепринятом виде является препятствием на пути столь легко принимаемого отождествления ремы и фразового ударения. А именно: линейно выраженная вербальная насыщенность ремы может быть выражена несколькими словами: *Мать/всплеснула руками; Во дворе/залаяла собака; По улицам/продувал ветерок; Андрей/поехал в Ленинград* и т. п. Между тем по интонационным законам, зона фразового ударения в своем воплощении ограничена и обычно сосредоточена на последнем ударном слоге и его соседних слогах, т. е. на последнем слове. Этот факт отмечался исследователями актуального членения. «Если рема состоит больше чем из одного слова, то фразовое ударение падает на последний компонент словосочетания, составляющего рему. Ср.: *Андрей/поехал в Ленинград*» (Ковтунова, 1976, с. 10). Если к сказанному подходить буквально, то тогда — только на уровне ФУ — не различаются высказывания *Андрей поехал/в Ленинград* и *Андрей/поехал в Ленинград*, поскольку в обоих высказываниях фразовым ударением отмечено слово *Ленинград*. Более того, тогда сама идея контекстного разнообразия в актуальном членении одного и того же высказывания теряет свой смысл, поскольку заранее очевидно, что при сохранении нейтрального произнесения и линейного словопорядка серия высказываний типа:

Вчера/Шерлок Холмс познакомился с женой доктора Уотсона;

Вчера Шерлок Холмс/познакомился с женой доктора Уотсона;

Вчера Шерлок Холмс познакомился/с женой доктора Уотсона;

Вчера Шерлок Холмс познакомился с женой/доктора Уотсона

будут иметь фразовое ударение на одном и том же месте и (так как главное — поиск ремы, а рема, как известно, связана с фразовым ударением!) и, следовательно, одну и ту же рему, где бы мы ни проводили косую черту.

Выход из этого парадокса, по нашему мнению, может быть двоякий: 1) осуществлять внутри ремы просодические многоступенчатые членения, выделяя внутри ремы предъядерную часть и собственно акцентное ядро: *A little* (предъядерная часть), *water* (акцентное ядро) *stood in her eyes* (Абдалина, 1973, с. 8); 2) рассматривать комплексные просодические показатели темы и ремы вообще, не ограничиваясь только одним фразовым ударением. Именно по этому интересному пути пошла А. И. Багмут, сопоставившая на материале славянских языков просодические факты, по всем акустическим параметрам, характеризующие тему и рему в целом как противопоставленные друг другу (Багмут, 1979). При этом оказалось, что каждый из славянских языков предпочитает те или иные показатели для темы и ремы в особенности и даже сама степень выраженности членения на тему и рему в высказывании может по языкам отличаться. На наш взгляд, анализ данных А. И. Багмут свидетельствует о связи акустических показателей ремы с акустическими показателями словесного ударения в данном языке (они не должны дублироваться!), а степень выраженности членения на тему и рему зависит от языковой синтаксической структуры.

Итак, однозначность связи ремы и фразового ударения оказывается в своей внутренней логике не столь просто решаемой и не столь удобной для теории актуального членения, поскольку рема есть понятие практически резинное, а фразовое ударение есть автоматизированный интонационный факт.

Второй существенной проблемой, связанной с актуальным членением в интересующем нас плане, является сопоставление актуального членения и АВ, поскольку фразовое ударение не есть непременно АВ и, таким образом, все только что сказанное относилось к просодическим (интонационным) аспектам выражения темы и ремы, но пока никак не затрагивало проблемы собственно АВ. Между тем в теории актуального членения практически не раз-

личаются высказывания нейтрального произнесения и высказывания с АВ: *Дмитрий/пришел злой*; *Пришел Дмитрий/злой*; *Злой пришел/Дмитрий* — «экспрессивные высказывания представляют собой вариант исходного члена парадигмы» (Ковтунова, 1976, с. 164).

Таким образом, рематическими будут следующие компоненты: *Понравилась (Вера мне понравилась)*; *понравилась (Вера мне понравилась)*; *понравилась (Вера понравилась мне)*; *понравилась (Понравилась мне Вера)*. Совершенно очевидно, что тексто-коммуникативная аура, в основном, отличающая высказывания с АВ, в приведенных примерах различна; однако отмеченные компоненты в них в равной степени являются ремами. В таком случае рема становится чем-то вроде метки, формальной черты, лишенной смысловой насыщенности, и деление на тему и рему, возвращаясь на круги своя, становится ни чем другим, как «формальным способом включения в контекст». Тогда, возвращаясь к сказанному в начале об актуальном членении, в сущности теряет смысл всякая полемика по поводу содержательной характеристики ремы и, в частности, по поводу того, чем отличаются компоненты с АВ и с ФУ или, иначе, чем отличаются высказывания с АВ и высказывания с нейтральным произнесением, например: *Я прошу дать мне пальто* и *Я прошу дать мне пальто*. В обоих случаях ремой будет слово *пальто*. Тот существенный для коммуникативных целей факт, что во втором случае возникает фраза-тень: «а не. . .» оказывается для теории актуального членения незначущим, а обе ремы различаются лишь на степень громкости: нейтральное ФУ просодически слабее АВ.

Таким образом, теория актуального членения, лежащая в истоках лингвистики текста и как бы предваряющая выявление коммуникативно-текстовых категорий, сама по себе, в своем стремлении сохранить себя от естественного эволюционного распада на новые развивающиеся субкатегории, оказалась не в состоянии обеспечить прочные и фундированные смысловые интерпретации и выйти за рамки позитивного фиксирования несомненного факта.

АВ и пучки объединенных содержательных категорий

Во всех представленных выше подразделах данной главы АВ сопоставлялось с тем или иным его концептуальным истолкованием, рассмотренным изолированно.

Между тем тенденция объединять характеристики, приписываемые АВ в содержательном плане, пронизывает большинство работ, посвященных АВ. Как мы говорили, АВ отождествляется с ремой высказывания. Соответственно, АВ приписываются и все признаки ремы. Помимо глобального, связанного противопоставления всех «левых» членов оппозиции всем правым, присутствует стремление, без строгого на то основания, объединять приписываемые признаки попарно.

1. Контраст обязательно эмфатичен.
2. Слово под контрастным ударением содержит новую информацию.
3. Акцентирующие частицы выделяют рему.
4. Выделение по важности есть выделение и по новизне и т. д.

С легкостью можно привести примеры высказываний, связывающих попарно, по три и более содержательных характеристик АВ в единый смысловой пучок.

«Эмфатическое выделение какого-либо слова предполагает непереносное противопоставление выражаемого им понятия другому понятию того же класса в рамках предложения или абзаца» (Неустроева, 1976).

«В случаях контрастного ударения акцентируемый элемент — „новый“, „информативный“» (Harweg, 1970, p. 1).

«Элементы под контрастным парадигматическим ударением соответственно текстологически новы. . . в соответствии с этим безударные номинативные единства — это те, которые в текстологическом отношении стары (alt)» (Harweg, 1969).

«Неопределенность значения имени существительного возникает при наличии ударения на нем» (Поспелов, 1976, с. 189).

«В обычной интонации место фразового ударения располагается на существительном со значением неопределенности, если таковое есть» (Scwedek, 1976).

«Даже всегда примыкает к составляющей, которая либо сама является ремой предложения, либо содержит рему.

Составляющая должна содержать какую-то необычную, неожиданную информацию для слушающего, а это означает, что составляющая является ремой или содержит рему» (Крейдлин, 1975, с. 103).

«Индикаторами ядра в высказывании бывают подчеркивающие частицы: *len, iba, aj, i, najmä, priam, vôbec, iste, hoci*» (Mistrík, 1966, с. 95).

«Интересно, что в английском языке даже при наличии лексических и синтаксических показателей ремы: неопределенного или нулевого артикля, ремовыделительных конструкций, слов с выделительно-ограничительным значением (*only, just, merely*), позиционных показателей ремы, слово-носитель ремы обязательно выделяется также и логическим ударением» (Шевякова В. Е., 1977). «Локализация *even* связана с локализацией интонационного ядра в предложении» (Anderson, 1972).

Вся предыдущая часть данной главы есть по существу попытка доказать необязательность этих связей: так, говорилось о возможном сосуществовании АВ и интонационного центра в рамках одного высказывания; демонстрировались примеры неконтрастных АВ; неэмфатических контрастов; контрастов со значением определенности; неподчеркнутого нового; неэкспрессивной ремы и т. д.

Относительно попарной (или более того) спаянности содержательных характеристик, приписываемых АВ, то в большинстве случаев можно говорить, видимо, лишь о частичном наложении их смысловых сфер. Так, АВ, действительно, бывает связано с контрастивным значением — но не всегда; информативно важное часто бывает и содержательно новым, но не всегда; рема высказывания достаточно часто падает на неопределенное имя — но далеко не всегда и т. д. Категоричность утверждаемых связей, возможно, объясняется некоторым неразличением механизма языковой системы и механизма речеупотребления, манифестации тексто-коммуникативных категорий, т. е. порождения текста, внутри которого компоненты смысла сложным образом тяготеют друг другу, комбинируются, стремясь, в своем объединении, закрепить за собой заданную языковую форму (см. о тенденции к появлению класса постоянно акцентируемых слов с определенным типом семантики в УНР, гл. V). Однако эти наложения и комбинации смыслов, сколь часто они бы ни были представлены, еще не являются безоговорочным свидетельством в пользу обязательности этих совпаде-

ний — приведенные в указанных разделах примеры говорят об автономности функционирования каждой из перечисленных категорий.

И все же в предыдущих разделах мы постарались показать, что некоторые привычно употребляемые ассоциации в принципе не соответствуют ни теоретическому, ни эмпирически наблюдаемому статусу АВ как явления. Речь идет о следующих оспаривавшихся утверждениях: 1) непременного тождества АВ и интонационного центра высказывания (при презумпции, что у высказывания должен быть только один интонационный центр); 2) корреляции контрастивного ударения и семантики нового и неопределенного. Дело в том, что указанные положения, оспаривавшиеся выше, базируются на неразличении АВ и ФУ. Действительно, ФУ есть интонационный центр высказывания и связано с неопределенностью — определенностью, и, соответственно, с порядком слов и коммуникативным типом высказывания. Однако эти категории несоотносимы с АВ. Акцентное выделение выполняет по существу одну функцию — оно выводит высказывание за его непосредственные рамки или рамки непосредственного узкого контекста, выводит отдельные понятия за пределы нормы. Таким образом, оно действует в рамках отрицания двух признаков — замкнутости (INTERN) и нормы (NORM). Высказывания с АВ передают либо более широкий фон ассоциации, либо экстранормальные оценки.

При этом реальная сфера, которая окружает высказывание с АВ, может быть различной. АВ может указывать на контекстный или конситуативный факт, предшествующий в перцепции данному высказыванию или за ним следующий: *Мария же никогда не понимала шуток* (ищи в предшествующем контексте противопоставленное лицо); *Я буду говорить о другом* (то же). Но введение или невведение АВ в высказывание может также и менять мнение слушающих (воспринимающих) об окружающей действительности или менять впечатление о том, как говорящий сам воспринимает эту действительность и как он к ней относится.

АВ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Прагматика, наряду с синтаксисом и семантикой, считавшаяся одним из основных аспектов изучения знака в качестве показателя отношения к знаку, вплоть до последнего десятилетия не привлекала особенного интереса языковедов и семиотиков.

С конца 60-х годов, в связи с определенной переориентацией науки о человеческом языке, согласно которой интерес исследователей переместился с внутреннего устройства языковой структуры на выявление того, как именно язык отражает отношения, существующие в действительности, прагматический аспект стал занимать все большее место в языковых исследованиях. Вопрос о том, как именно язык передает отношения действительности, не есть вопрос о том, каковы эти отношения действительности на самом деле — это относится к сфере чистого значения, к семантике. Однако эти оба аспекта связаны вплоть до того, что иногда вводится комплексное понятие «прагматико-семантики» как «исследование того способа, согласно которому не собственно пропозиции, а истинностные ценности (truth values) оказываются зависимыми от контекста, а некоторая часть контекста становится тем возможным миром, в рамках которого данное предложение может быть произнесено» (Stalnaker, 1972, p. 383). Таким образом, прагматическая сфера исследования становится очень широкой — в нее включается и изучение собственно языкового акта, иллокутивный компонент, и описание тех языковых феноменов, которые служат средством связи с действительностью, указанием на нее — индексирующие выражения широкого плана, личные местоимения, указательные местоимения, модальные операторы, показатели времени, показатели вероятности, показатели контекстной многозначности и т. п. (см. об этом: Montague, 1972). Существенно также, что в прагматическую сферу включаются и те смысловые (прагматические) категории, которые язык считает необходимым отразить в своих конкретных воплощениях. Эти категории лишь

в недавнее время стали объектом серьезного внимания лингвистов, длительное время их относили к довольно аморфной группе «скрытых» категорий; возможно (и необходимо), чтобы прагматические значения были исчислены и составили особую лингвистическую область. Как представляется, трудность этого заключается и в том, что пока не существует методов обнаружения этих значений, их выявление обеспечивается глубоким знанием и чутьем того или иного языка и пока интуитивистским в него проникновением.

Действительно, будет «общим местом утверждать, что всякий язык воплощает в своей структуре определенную точку зрения на мир, некоторую философию. Совсем другое дело — доказать это, причем способом строгим и верифицируемым» (Wierzbicka, 1979, p. 313).

Именно АВ в высокой степени формирует не только контекстное окружение, но и позволяет иначе представить факты действительности, без дополнительного введения в высказывания каких-либо иных средств; оно формирует также наше отношение к действительности. Приведем несколько примеров. Однажды, включив радио, я услышала фразу: *Передаем следующее сообщение*. Сама форма, еще неосознанная лингвистически, заставила насторожиться и предположить, что будет передано нечто очень значительное и серьезное. Напряженно выслушав самую обычную информационную передачу, я поняла, что диктор должен был сказать: *Передаем следующее сообщение*. Только слово *следующее* вывело бы высказывание из его собственных узких рамок и ввело бы в обычный контекст сменяющих друг друга передач. Произнесенное же с ФУ, как мы уже многократно говорили, высказывание становится изолированным, контекстно свободным и в данной конкретной ситуации звучащим как нечто экстраординарное и потому более значительное.

Естественно, что то разное понимание действительности, которое обеспечивают высказывания с АВ и без АВ, или с АВ на разных позициях, должно обыгрываться, как эффектный прием, в произведениях детективного плана. См. этот прием в известной пьесе А. Кристи «Свидетель обвинения» (М., «Искусство», 1979, с. 187):

«Сэр Уилффрид. . . Мы бы спасли его.

Ромэйн. Я не могла рисковать. (Медленно). Понимаете, вы *думали*, что он невиновен. . .

Сэр Уилффрид (быстро поняв). А вы *знали*, что он невинен. Я понимаю.

Ромэйн. Вы ничего не понимаете. Я знала, что он *виновен*.

Сэр Уилффрид. И вы не боитесь?»

Из этого небольшого набора высказываний видны колебания женщины — жены обвиняемого, сначала не решающейся сказать всю правду — иначе она сказала бы сразу: «*Вы думали, что он невинен*». АВ на слове *думали* вводит доброжелательно настроенного к обвиняемому адвоката в ложную оппозицию *думать—знать*, мена позиции АВ проясняет подлинную картину.

Возможны и такие ситуации, когда сформировать высказывание с АВ и точной передачей отношения к действительности и состояния самой действительности бывает сложно. Так, в семье из трех человек — мужа, жены и взрослой дочери возникла следующая ситуация: приезжая гостья предлагает достать два билета в труднодоступный театр. Это она уже делала и ранее, сама при этом с членами данной семьи не ходила; в настоящий момент билеты (на определенный день) пока еще гипотетичны. Попутно выясняется, что мать и дочь пойти в этот день не могут:

«Муж. Тогда я с ней пойду.

Дочь. Ты говоришь так, как-будто кто-нибудь из нас когда-нибудь с ней ходил, а ведь она смотрит эти спектакли в другом обществе.

Муж. Тогда я с *ней* пойду. Так нужно сказать?

Дочь. Но ведь это в принципе то же самое, однако подразумевает, что билеты уже есть, а ведь их еще нет и неизвестно, будут ли.

Муж. Остается сказать — Тогда я с ней *пойду*. Так?

Мать. Ну, это, как-будто бы тебя умоляют, и ты, наконец, решился.

Все. Так как же нужно сказать?»

Естественно, что адекватное для говорящего описание действительности непосредственно связано с некоторым понятием о норме в этой действительности. Ряд последних исследований, непосредственно и не связанных с АВ, подтверждает это на материале языковых фактов; при этом оказывается, что понятие нормы непосредственно связывается с установкой на позитивную стабильность мира и, соответственно, с отчетливым разграничением в этом плане антиномии *плохой—хороший*.

Так, анализ прилагательных, проводившийся в послед-

нее десятилетие несколько необычными методиками и разными исследователями, показал, что за их употреблением стоит: 1) осознание человеком себя в мире; 2) его отношение к миру, позитивная программа; 3) его представление о позитивном сценарии событий.

1. Оказывается, что для пар квалификативных прилагательных размера (длинный—короткий, широкий—узкий и т. д.) одно слово предпочитается в исходных конструкциях, другое — маркировано, ограничено, например, 10 Wagen lang (*kurz), 250 Meter breit (*schmal), 200 Meter hoch (*niedrig), 35 Jahre alt (*jung).

Таким образом, можно говорить об определенной ориентации человека при употреблении этих слов. М. Бирвиш связывает эту модель с basic dimensions of the human apperceptive apparatus. При этом структура приписывания разным предметам основных измерений оказывается достаточно сложной (Bierwisch, 1967):

Der Wagen ist lang=Der Wagen ist hoch.

Die Strange ist lang=Die Strange ist hoch.

Однако:

Die Zigarette ist lang $\neq$ *Die Zigarette ist hoch.

*Der Turm ist lang $\neq$ Der Turm ist hoch.

Сходные наблюдения о структуре пространственных отношений в человеческом сознании были сделаны на материале английских прилагательных (Givón, 1970). Оказывается, что из двух антонимичных прилагательных размера одно является и обобщенным, генерализованным, другое — нет. Так, если спросить How big is it? ответ может быть It is very big и It is very small, но How small is it? допускает только It is very small, но *It is very big.

Соответственно: How long is it? — Very long.

— Very short.

Однако: How short is it? — Very short.

— *Very long.

Генерализованные прилагательные и являются словообразовательной базой соответствующих обобщенных существительных размера: length—long—short; thickness—thick—thin (см. по-русски «длина», но не «коротчина», «ширина», но не «ужина» и т. д.).

Еще более определенно пространственные прилагательные связываются с человеком как вертикально ориентированным существом в работе А. Н. Журина, посвя-

щенной русским прилагательным (Журинский, 1971). Так, высокий — это вовсе не любой длинный и вертикальный, а самостоятельный и изолированный (так, водосточная труба — нет, сосулька — нет), более того, высоки те предметы, которые сами по себе таковы, а не приобрели эту форму по воле человека. Таким образом, правильно высокие предметы имеют сходство с самим человеком. Качество быть высоким оказывается очень важным. Как замечает Журинский, некоторые толстые люди, если бы были на голову выше, не считались бы таковыми. Журинский вводит понятие нормальный ориентации (НО) — это наиболее частое расположение этого предмета по отношению к говорящему. Возможна и мгновенная НО — расположение в момент речи. Мы говорим «широкое здание», если стоим напротив него, и «длинное здание», если проходим мимо. Наоборот, нестандартная ориентация отражает «переходы от поперечной к вертикальной ориентации», т. е. нечто, человеку не свойственное.

2. Отношение человека к миру можно, судя по исследованиям прилагательных же, характеризовать общей позитивной установкой: желанием, чтобы все было хорошо.

Оказалось, что при ассоциативном анализе антонимических связей в тех случаях, когда требовалось назвать антоним, позитивный член назывался «дружнее», чем негативный, называвшийся как бы неохотно и иногда заменявшийся каким-нибудь другим словом (Deese, 1965, с. 123). Частотность ассоциаций оказывается для антонимов необоудной. Например (цифры показывают число ответов; группа испытуемых была одной и той же):

Bad—Good — 43; Good—Bad — 29.
Black—White — 39; White—Black — 23.
Dirty—Clean — 21; Clean—Dirty — 15.

Наиболее удивительным в своей последовательной установке на позитивную программу является расположение однородных членов в привычных словосочетаниях с «и» (типа *отцы и дети, кошки и мышки*), обследованных В. Купером и Дж. Россом (Cooper, Ross, 1975). Выяснилось, что порядок расположения этих компонентов, а часто это — прилагательные, не случаен (недаром работа называется World Order — т. е. то, что стоит за Word Order; так в первую очередь называется:

ближайшее — here and there; in and out; this and that¹;
now and then; sooner or later. . .
мужское — men and women. . .
взрослое — cat and citten. . .
позитивное — plus or minus; all or none. . .
одушевленное — men and machines. . .
активное — speaker and hearer; cat and mouse. . .
основательное — land and sea; Army and Navy. . .
источник энергии — bow and arrow; gin and tonic. . .

Все эти качества — позитивные, они часто сливаются в речеупотреблении в смысловые пучки. В сущности, по мнению авторов, эти позитивные качества и характеризуют типичного американского героя: он — Here, Now, Adult, Male, Positive и т. д.

Отношение к событиям в мире также обнаруживает установку человека на позитивную стабильность.

Р. Харвег, исследуя дистрибуцию прилагательных в тексте, выявил их деление на два класса — в зависимости от того, могут ли они появляться в абсолютно инициальных фразах или нет. Так, прилагательные gesund, heil, zufrieden, nüchtern, normal, da и т. п. не могут быть начальными, они прилагательные следования (Nachfolgeradjektive), у них обязательно должны быть текстовые предшественники (Vogängerausdrucke): krank, kaputt, betrunken, weg, komisch (Harweg, 1969), поэтому *Bei Müllers ist jemand gesund. *Da hinten ist eine Frau nüchtern. Однако: Bei Müllers ist jemand krank; Da hinten ist eine Frau betrunken.

Прилагательные следования могут стать инициальными через добавление wieder. Но wieder, добавленное к ним, это слово реститутивное, т. е. возвращающее к исходной ситуации (Karl ist wieder gesund), добавленное же к их антиподам, оно означает повторяемость события (Karl ist wieder krank). За всем этим стоит, по мнению Харвега, потребность в нормализации, когда нормальное есть позитивное, и это есть отражение мира в сознании человека.

Состояние объектов внешнего мира мы, как оказывается, умеем определять и из прилагательных в сравнительной степени. Из фраз, например, *Эллен безобразнее Мэри; Том хуже Боба; Джек пьянее Билла* мы понимаем, что оба актанта неопозитивны (и Мэри безобразна, и Билл

¹ Исключение, по Куперу и Россу, — русский оборот: «там и сям».

пьян), но из фраз *Эллен красивее Мэри; Том лучше Боба; Джек умнее Билла* мы не можем вывести определенно, что Мэри красива, Боб хорош, а Билл умен. (Tory Higgins, 1976, p. 419). И в этом случае очевидно резкое расслоение позитивного и негативного.

Именно об антиномии *хороший—плохой*, выражающейся в языке, стремящемся отразить позитивную стабильность нормы, говорится в исследовании А. Вержбицкой, строящейся на фактах разных языковых уровней (Wierzbicka, 1979). Так, она выделяет для немецкого языка специальный dative of misfortune, относящийся не ко всем объектам: *Ihm starb die Mutter; Die Wäsche wird mir wieder nass (*Die Wäsche wird mir trocken); ср. в польском языке Matka mi umarła, *Matka mi wyzdrowiała (но — Bielizna mi zmokła; Bielizna już mi wyschła), но и lucky agent dative — Ciasto ładnie mi się upiekło; она показывает элемент Bad в конструкциях типа John had his car stolen в отличие от нейтрального John had his car washed; описывает специальные конструкции хорошей—плохой семантики в японском языке и т. д.

Возвращаясь к АВ, необходимо подчеркнуть его несомненную связь с нормой. При этом под нормой следует понимать, во-первых, нейтральную в сравнении с увеличенной оценкой: *Он очень мне нравится* и *Он очень мне нравится*; *Там висела огромная карта* и *Там висела огромная карта*. При этом иногда только АВ помогает понять количественную экстранормальность оцениваемого: *Мы ежемесячно посылаем туда преподавателей*; *Мы ежемесячно посылаем туда десять преподавателей* — в обоих случаях только введение АВ выявляет оценку «много», произнесенное без АВ высказывание ничего не сообщало бы в этом плане слушающему (см. гл. V). Во-вторых, под нормой, очевидно, следует понимать некоторое нейтральное произнесение, не содержащее никакой полемики: ср.: *Она мне это дала* и *Она мне это дала* (а не вам); или *Он пришел на работу вовремя* и *Он пришел на работу вовремя* (все-таки пришел), и не выходящее за рамки непосредственно представленного контекста, т. е. мы хотим сказать, что АВ в значительном числе случаев создает, как мы говорили, дополнительную ауру — высказывание-тень, которое может оставаться в области чистой прагматической пресуппозиции — вокруг высказывания как бы создается сфера его возможных окружающих миров.

Из сказанного о прагматическом аспекте АВ, о его смысловой необходимости для правильного человеческого общения, становится очевидно, что выделение АВ необходимо и в письменном тексте — в современной типографской практике оно осуществляется курсивом.

Рассмотренное как собственно языковой факт, коммуникативно необходимый, АВ подлежит изучению и в сопоставительном плане.

Прежде всего это проблема того, как располагать АВ при переводе — в тех случаях, когда имеются несоответствия в лексико-грамматическом составе высказываний в обоих языках.

«„Suppose they had saved up all *my* punishments?“ She went on, talking more to herself than the kitten. „What *would* they do at the end of a year? I should be sent to prison. . .

Well, I shouldn't mind *that* much! I'd far rather go without them than eat them.

Do you hear the snow against the window-panes, Kitty? How nice and soft it sounds! Just as if some one was kissing the window all over outside. I wonder if the snow *loves* the trees and fields, that it kisses them so gently? . .

Oh, that's very pretty» cried Alice, dropping the ball of worsted to clap her hands. „And I do so *wish* it was true“. (Carroll L. Alice's adventures in wonderland; Through the lookingglass. N. Y., 1960, p. 127—8). 'А что было бы, если бы меня стали наказывать за все разом? (Она размышляла вслух, обращаясь скорее к самой себе, чем к Китти).

Что бы тогда было в *конце года*? Сидеть бы мне в тюрьме, не иначе?

Ну, *это* еще не так страшно! Хуже, если б нужно было съесть все сто обедов разом!

— Слышишь, как снег шуршит о стекла, Китти? Какой он пушистый и мягкий! Как он ласкается к окнам! Снег, верно, *любит* поля и деревья, раз он так нежен с ними!

. . . Тут Алиса захлопала в ладоши и опять уронила клубок. — Хорошо бы все это и *вправду* так было! (Л. Кэрролл. Приключения Алисы в стране чудес; Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. М., «Наука», 1978, с. 113—114).

Приведенные отрывки показывают значительное различие в выборе позиции АВ при переводе. Создается впечатление, что переводчик избегает АВ на модальных

(would) и полумодальных (wish) конструкциях, заменяя их отыменными обстоятельствами. Представляется, что эта выделенность модальных глаголов в русском языке имеет значение не усилительное, а контрастно-полемическое: *Он хотел это сделать* (а не не хотел, как вы думаете). Если же нужно усилить модальный глагол, то вводится компонент со значением меры и степени *так*, который и принимает на себя АВ — *Он так хотел это сделать*.

Таким образом, типологические исследования могут сообщить много нового о системно-семантическом распределении АВ, рассмотренном с точки зрения его лексико-синтаксической дистрибуции.

Типологическим является не только тип дистрибуции и, следовательно, его функциональная модель, но и фактор количественно-функциональный. Так, В. Г. Гак демонстрирует богатство средств выделения во французском языке, среди которых АВ занимает собственно минимальную позицию, «в отличие от русского языка ударение не может отмечать любое слово, что связано с синтагменной окситональностью» (Гак, 1975, с. 50).

Глава третья

АВ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С «АКЦЕНТИРУЮЩИМИ ЧАСТИЦАМИ»

Выведенному выше положению о том, что акцентное выделение имеет место в том случае, когда смысловая зона передаваемого текста оказывается шире высказывания с АВ и/или сообщаемое выходит за рамки некоторой усредненной нормы (—NORM, —INTERN), как будто противоречит распространенный тезис о том, что частицы особого рода, вроде *даже*, *именно*, *и*, *только* и др. (и их эквиваленты в западноевропейских языках), будучи введенными в высказывание, вызывают в нем усиленное ударение на слове, связанном с частицей, или на самой частице. Частице приписывается акцентирующая функция — «свойство выделять определенный компонент с целью сосредоточить внимание на той реалии, которую оно обозначает» (Стародумова, 1974, с. 5); частица обнаруживает смысловую связь «как с отдельным словом, выделяемым обычно логическим ударением», так и с предложением в целом (Знаменская, 1964, с. 52). Это ударение обычно наделяется контрастивной семантикой (Anderson, 1972; Altmann, 1976).

Действительно, связь частицы с знаменательным словом (Skopus или Scope частицы в современной синтаксической терминологии) влечет за собой частое усиление просодических свойств этого слова, как будто вызываемое именно частицей — *Даже она не понимает санскрита — Она даже санскрита не понимает — Она санскрита даже не понимает* и т. д.

Мена позиции акцентирующей частицы существенно может изменить семантическую трактовку высказывания: *Об этом знали еще в средние века* — т. е. знали очень давно, возможна замена *еще* на *уже*; *Об этом еще знали в средние века* — а потом забыли, замена на *уже* здесь невозможна (Моисеев, 1978).

Более того, в зависимости от позиции ударения — на частице или на связанном с ней знаменательном слове, смысл сообщения меняется. Это свойство распространяется не на все акцентирующие частицы, а на группу *один*,

еще, вот, вон (см.: Николаева 1979; 1979а). Эти частицы создают вместе со знаменательным словом то, что в указанных работах называлось акцентно-семантической структурой.

С о ч е т а н и я с *еще*: *Еще чаю?* — адресат уже выпил чай; *Еще чаю?* — была какая-то еда, но чай не предлагался. *Было куплено еще/три книги* — совершенно несколько покупок, но не книги; *Было куплено еще три книги* — три книги уже купили; *Было куплено еще три книги* — какое-то количество книг было куплено, но не три.

Таким образом, *еще*, принимая на себя ударение, в комбинации с лексемой конкретной семантики вводит предмет в некий класс, в рамках которого он не составляет специфики; *еще* выступает как некий оператор, формирующий неопределенность имени — т. е. некий X добавляется к цепочке x_{n-1} : *Серый хребет, Черные горы, еще хребет и, наконец, снежные горы; Потом опять пауза — печь испекла, вынули хлебы, посадили другие, замесили еще тесто, поставили еще опару.*

Если к X добавляется Y , то ударным становится именно этот Y : *Костюм купили, еще ботинки купить нужно; Сын есть у нас, еще дочь хотелось бы.*

Однако контекст не всегда дает возможность однозначной трактовки сообщаемого: *Нам предстояло пересечь ее (дорогу — ТН) и проехать еще километров сто* — где здесь поставить ударение: на *еще* или на *сто*? *Не сетуй, к трону есть еще дорога* — ударение на *есть* или на *еще*?

Поэтому в высказываниях с *еще* и неопределенным именем в реальных текстах часты артиклеобразные вставки со значением неопределенности: *Еще одно крепкое рукопожатие, еще одно объятие* — и нужно переходить на корабль; *Шум моря поглотил еще какие-то приказания командира дивизиона; Еще одно последнее сказанье* — и летопись окончена моя.

С о ч е т а н и я с *вот* и *вон*:

в этом случае место частицы определяется решением оппозиции: упомянутость—неупомянутасть или известный объект—впервые вводимый в коммуникацию объект.

Вот Вам письмо, — сказала Елена. — *Наконец-то; Вот тот офицер, о котором я докладывал Вашему превосходительству; Вот его победитель. Кирила Петрович указал на Дефоржа.* В этих случаях объект упомянут, он известен. Небезынтересно отметить, что частицы *вот* и *вон* могут

быть элиминированы, ибо их функция близка к жестово-дейктической: *Я недавно приехал в Коринф. Вот ступени, а вот колоннада* $\neq$ **Я недавно приехал в Коринф. Ступени, а колоннада*. Таким образом создается оппозиция: *Вот мостик. Вы спрашивали о нем; Вот мостик. Осторожнее, не споткнитесь*.

С о ч е т а н и я с о д и н:

Сочетания эти описывались достаточно подробно (Мишина, 1960; Ivić, 1971; Николаева, 1979), существенной особенностью в этом случае является не только место ударения, но и его сила. Таким образом, можно выделить шесть словосочетаний с *один*, по признаку места ударения (*один* или имя, или *один + имя*) или его силы: усиленное (---) или неусиленное ().

1. *Один + имя*: *Одна женщина рассказала мне интересную историю*. Значение артиклеобразное.
2. *Один + имя*: *С одного вола две шкуры не дерут*. Значение числительного.
3. *Один + имя*: *Замечено, что медведь, живя долгое время в одном месте, ходит на жировку одной и той же тропой*. Значение тождества.
4. *Один + и м я*: *Если заря свободы восходит для всех, ужели одна женщина останется рабой?* Значение исключительной ограниченности, только.
5. *О д и н + имя*: *Критика должна быть одна, и сторонность взглядов должна выходить из одного общего источника, из одной системы*. Значение исключительно-количественное, только один.
6. *О д и н + и м я*: *Погода — одно удовольствие; Какой ответ? Одну суровость*. Значение абсолютного, «тотального» воплощения некоего свойства¹.

¹ В работе Николаевой (1979) сочетания 3 и 6 объединены в один тип, что неправильно, так как эти словосочетания, объединенные бифокальностью ударения, различаются и формой (сильное—слабое выделение), и содержательной интерпретацией, и синтаксической ролью.

Легко видеть, судя по всем приведенным примерам, какое влияние оказывает место ударения (на частице или на имени?) на такое свойство имени, как определенность. Так, ударное *еще* делает имя неопределенным (*еще тарелочку, мой милый*), ударные *вот* и *вон* — напротив, определенным, упоминавшимся (*Вот мостик*); безударное *один* — неопределенным (*Я сегодня подала грош одной нищей*); сильно ударное *один* — имя определенным: *Одна старуха не смыкала глаз*; оба ударных компонента снимают свободную сочетаемость имени.

Таким образом, вполне правомерно говорить о функционировании акцентного выделения в рамках одного высказывания, о том, что оно входит (или формирует) словосочетательную акцентную структуру и в рамках этих структур мена места ударения создает смысловые оппозиции.

Между тем более внимательный и более строгий теоретический подход обнаруживает в вопросе об акцентировании частиц целый ряд натяжек и передержек.

Обратимся сначала к подгруппе *вот, вон, один, еще*. Как и в случае с парой *Поезд пришел — Пришел поезд* акцентная оппозиция, в том, что касается АВ, оказывается ложной, фиктивной. А именно во всех тех случаях, когда «ударение» падает на имя в ослабленном виде, акцентного выделения, т. е. основного предмета нашего анализа, вообще нет, так как имя попадает либо в безударную позицию во фразе *Когда я был ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери*, либо в позицию нейтрального фразового ударения *Генерал решил не ехать домой, а заехать к одной знакомой даме*.

Точно также нет акцентного выделения во фразах типа *Вот мельница. Она уж развалилась* или *Я купил себе еще пачку хорошего чая*, но только нейтральное фразовое ударение (ФУ).

Следовательно, оппозиции, эквиполентные, если смотреть на них с точки зрения изолированных словосочетаний, становятся привативными, рассмотренные с позиции высказывания: есть выделение — нет выделения. Эта псевдоэквиполентность оппозиций нередка в просодической теории и базируется на разного рода лингвистико-теоретических *qui pro quo*. А именно: ударение для ряда языков считается динамическим, на самом деле, это означает, что его просто признают немusыкальным; фразовая интонация объявляется фонологическим явлением,

что нужно понимать, как признание ее нефонетическим только явлением (См.: Николаева, 1977).

Обращение к группе «акцентирующих частиц» в целом показывает также небезынтересные результаты.

1. Так называемые акцентирующие частицы на самом деле вызывают выделение какого-либо компонента далеко не всегда; высказывания с частицей могут произноситься без акцентного выделения.

2. В тех случаях, когда акцентологическая выделенность того или иного компонента безусловна, далеко не всегда может быть доказан тот факт, что причина этой обязательной подчеркнутости — именно частица.

3. В ряде примеров с акцентированием оказывается безразличной позиция выделения: оно может располагаться на самой частице, на связанном с ней слове или даже на другом слове; таким образом, рушится концепция подчеркнуто-важного, усиленного, ядра и пр. Остановимся на каждом из этих пунктов.

1. *Сидели они на парусине, еще влажной от ночи; А баба только кланялась и кланялась; С палубы он видел только зелень прибрежных лесов и красные черепичные крыши* (Ср. = *С палубы он видел только красные черепичные крыши и зелень прибрежных лесов* = *С палубы он видел зелень прибрежных лесов и красные черепичные крыши*; произношение здесь одинаковое). *Я шел бодро, даже напевая; На рынке он купил двустволку, куртку и уже несколько поношенные сапоги.* Частицы еще, только, даже, уже в приведенных примерах не оказались выделяющими.

Так, можно отметить, что выделение отсутствует в высказываниях определенной семантики, например, нарративно-инициальных, вообще — описательных, дескриптивного характера.

Столь же негативную роль для возникновения акцентного выделения играют и лексемы, с которыми связываются частицы. Таковы, например, глаголы процессуальной семантики (*Еще волнуются туманы, еще объята мглой река*), то же относится к безразличному нам по модальности темпоральному или топическому локализатору: *Еще при Андрее Боголюбском этот собор был перестроен.*

2. В тех случаях, когда акцентирование, казалось бы, бесспорно, простая операция элиминирования частицы или, с другой стороны, ее перифрастической замены, показывает, что ведущая роль в возникновении акцентного выделения у компонента, связанного с частицей, принадле-

жит не ей: *Три года я мечтал о встрече с ней, а встретился только вчера — ср. Три года я мечтал о встрече с ней, а встретился вчера; Даже Петр нас не навестил, об остальных и говорить нечего — Ср. Если Петр нас не навестил, об остальных и говорить нечего, или Петр нас не навестил, об остальных и говорить нечего; Только старуха молчала, остальные все говорили. Ср. Старуха молчала, остальные все говорили.*

Примеры такого рода (а число их легко увеличить) с неизбежностью приводят к мысли об отсутствии прямой смысловой зависимости между наличием частицы и возникновением акцентного выделения.

3. Вместе с тем имеют место такие ситуации, когда присутствие частицы может вызывать акцентное выделение, но при этом оказывается несущественным, выделяется ли сама частица, или слово, связанное с ней, т. е. позиция выделения безразлична: *Остались в училище только городские — Остались в училище только городские; Дело только в том, как Вы это воспримете — Дело только в том, как Вы это воспримете; Ума такого я уже не встречал — Ума такого я уже не встречал; Вишь, река вон туда бежит — Вишь, река вон туда бежит; В бане спят, там и живут — В бане спят, там и живут; Знал он всех мужиков, даже из далеких сел — Знал он всех мужиков, даже из далеких сел и т. д.*

Все три ситуации, описанные выше, как будто противоречат друг другу; вернее, первые две, согласно которым не присутствие частицы, а текстовое задание формирует выделение, противоречат третьей, согласно которой именно наличие частицы вызывает акцентное выделение — все равно, где в этом словосочетании.

Между тем справедливы обе позиции. Так, текстовая нагрузка может побеждать все остальное (нейтрализовать акцентное выделение или вызывать его); но и частицы сами как класс обладают специфической функцией, совпадающей именно с той нагрузкой, которая приписывалась акцентному выделению. Это выход за пределы описываемой нормативной ситуации.

Обратимся в этом плане к частицам так называемого акцентирующего класса.

Разгадку невключаемости этих частиц в принятый круг лексико-грамматических и синтаксических категорий, может быть, можно искать в том удивительном факте,

что функциональная нагрузка частиц состоит не только в той их семантике, которую они приносят в высказывание, в которое они входят, а и в чем-то другом. Е. А. Стародумова говорит о «своеобразной грамматической оформленности, заключающейся в обязательной прикреплённости частицы к какому-либо компоненту предложения», подчеркивает, что «акцентирующая функция — свойство выделять определенный компонент с целью сосредоточить внимание на той реалии, которую оно обозначает» (Стародумова, 1974). Однако в приводимых в этой же работе примерах (1) *Только он не вернулся*; (2) *Даже он не вернулся*; (3) *Именно он не вернулся* — рядом приписываются фразы-тени: (1) *Все остальные — да*; (2) *Тем более — другие*; (3) *А не кто-то другой*. Эти-то фразы-тени, как нам кажется, много важнее для коммуникации, чем «усиление» слова *он*.

Именно это свойство — как бы приписывать к сказанному некоторое не обязательно где-то высказанное, но обязательное для данного социума дополнение, столь же явное и коммуникативно общее, хотя бы и имплицитное, можно считать основным функциональным свойством частиц указанного ряда.

Итак, подобные частицы — это двуликий Янус, обращенный одной стороной в высказывание, в состав которого они входят, в другой же своей ипостаси посылающий объективную коммуникативную нагрузку воспринимающему текст. Речь идет как бы о двух потоках информации, с некоторой натяжкой соотносимых с различием содержания и смысла. Однако второй, невыраженный поток — это отнюдь не эмоции, не субъективные коннотации и пр. Если мы говорим, что спаслись только трое, и не добавляем более ничего, мы уже «сказали», что исходное число участников было много больше трех, что остальные погибли. И эта информация абсолютно объективна. Более того, этот второй поток часто строится на непреложных, не оспариваемых истинах, объединяющих данный социум. Это свойство используется, возможно, не всегда сознательно, говорящими, чтобы подкрепить сообщаемое, как бы сделать его общеизвестным: *Я ведь без денег сижу*; *Я ведь в молодости выписная красавица была* — звучат иначе, чем *Я без денег сижу*; *Я в молодости выписная красавица была* — высказывания без частиц оспаривать легче, так как они лишены сильной иллокутивной нагрузки (ср. с этим установку на мену ассерции и пресуппозиции в высказы-

ваниях типа — *Как это ему дали роль при его бездарности?* или *Я удивляюсь этому соавторству при их плохих отношениях* — коммуникативная цель при этом — сообщить: Он бездарен, у них плохие отношения, но эти сообщения, представленные «в лоб», ассертивно, будут менее действенны, чем помещенные в конструкции необсуждаемого структурного пласта, собеседник примет асертцию за некий непреложный факт, неизвестный ему одному — это пример одного из средств «языковой коммуникативной демагогии», разрабатываемой любым языком и во все времена).

Мысль о двойственной сущности частиц, точнее, о их способности вызывать определенные ассоциации, высказывалась и ранее, но формулированию для частиц этого свойства как функционально важнейшего мешало ранее требование обязательной эмпирической прикрепленности слова к непосредственному высказыванию и его эксплицитным компонентам. См. эти идеи: «Логико-смысловые частицы косвенно (через характеризующий член предложения) относятся ко всему предложению, которое оказывается объединением двух высказываний: основного и дополнительного, или «скрытого». Чрезвычайно важно подчеркнуть, что языковое выражение ряда смежных, соотносенных понятий совершенно необязательно (Михелевич, 1960 г.). «Конструкции с *ведь* могут быть построены так, что непосредственно противопоставляемые мысли остаются невысказанными, но для говорящего они совершенно ясны и понятны» (Скорлуповская, 1964). «Конкретизируя значение слова, они уточняют отношение содержания всего предложения к действительности» (Иванова 1970). «Высказывания, которые специфированы выражением *eigentlich*, требуют предшествующей информации» (Харвер, 1980). «В таком предложении, как *Mary didn't take any candy either* 'Мэри и не взяла леденцов', которое не зависит от контекста, слово *either* выполняют функцию связки в том смысле, что оно предполагает функцию другого предложения, т. е. является сигналом наличия зависимости» (Хендрикс, 1980).

Возникновение и развитие теории пресуппозиции в ее отношении к языковым фактам открыло новые возможности для изучения частиц, предоставив — впервые — некий позитивный аппарат для их описания. Открытое введение пресуппозиций в категориально-семантический набор высказывания предопределило их сопоставительное

изучение и, несомненно, вызвало тот интерес к частицам, который, как мы говорили, отличает 70-е годы.

Принимая положение о том, что функционально-языковой нагрузкой частиц является их двуликость, воплощающаяся, в частности (или в особенности!), в способности формировать скрытое, «теневое» высказывание, различным образом соотносящееся с исходным, куда частица вводится непосредственно, нельзя избежать кардинального вопроса: где и как воплощается это теневое высказывание? Действительно, за фразой *Только он не вернулся* стоит теневая *Все остальные вернулись*. Но это высказывание — тень может присутствовать в том же тексте: *Все вернулись. Только он не вернулся*; оно может выражаться конситуативно: «все» сидят и некто, указывая на них, произносит: «Только он не вернулся». Наконец, будучи произнесенной или написанной изолированно, *Только он не вернулся* все равно вызывает в сознании воспринимающего идею о благополучном возвращении остальных. Это — пресуппозиция как следствие (entailment).

Итак, за тeneвым высказываемым, вызываемым частицей, стоят три зоны манифестации, или корреляции: контекст, конситуация, пресуппозиция.

Таким образом, частицы и акцентное выделение выполняют по отношению к линейно-ограниченному высказыванию сходные функции — они формируют теневые высказывания, возникающие в перцепции параллельно с исходным высказыванием (*Это мое пальто — А не Ваше (Петра), как Вы подумали; Только он может нам помочь — Остальные не могут*). Именно в силу этой изофункциональности идея акцентирования и сливается с присутствием частиц, создавая некоторый единый формальный комплекс: частица + акцентирование. Однако, как видно из примера *Даже Петр. . .*, текстовая нагрузка оказывается первоосновой выделения, которое может быть перечеркнуто текстовым же заданием, т. е. не состояться.

Если проанализировать все виды семантики акцентного выделения в высказываниях с частицами, то в целом выявится, что они обслуживают четыре коммуникативные категории: предупоминания, противопоставления, крайности и экстраординарности. Каждая из этих категорий представлена рядом субкатегорий; описываемые коммуникативные категории, как и все категории текста, организованы по принципу поля (см.: Ревзин, 1978), со шка-

лярной структурой, поэтому неизбежным явлением оказывается существование зон переходов от одной категории к другой, функционально переходных участков.

Приведенный далее языковой материал включает в себя высказывания не только с так называемыми акцентирующими частицами, но и с частицами, формирующими неопределенные местоимения (*кое-, -то, -либо, -нибудь, не-*).

Итак, повторяя основную мысль монографии, подчеркиваем, что акцентное выделение возникает там, где необходимо выйти за пределы одной описываемой ситуации, базирующейся на нормативной оценке ее составляющих компонентов.

1. Категория предупоминания, ранее упомянутого включает в себя следующие субкатегории, формируемые с помощью частиц.

Значение неназываемого, скрываемого: *Кто-то во всяком случае об этом знает; Кое-кого ты приняла бы иначе* (скрываемый, неназванный X не входит в актуальную ситуацию).

Значение непрестижности (выход за пределы нейтральной нормы): *Я вам не какая-нибудь; Не какая-нибудь, а настоящая природная барыня.*

Значение отождествления: *Сад был порядочный, он же и огород; Он был в пестрядинной рубахе, в таких же штанах.*

Значение подтверждения: актанта — *Вот мостик; Вон тот офицер, о котором я докладывал Вашему превосходительству; локализатора — На сеновале и нашла ее мать; В бане спят, там и живут; события: (Если ты в родню, так ты литератор), пиши же мне о новостях нашей словесности.*

Значение инклюзива: *Наконец, и они присмирели.*

Значение усиления некоторого качества: *Еще пуще старуха бранится.*

Значение повторения, итератива: *Еще тарелочку, мой милый; Я успел еще к ним приехать до осени.*

Выход за пределы единичной ситуации, или единичного факта, или нормы несомненен во всех случаях. Как мы говорили, высказывание — тень, стоящая за акцентным выделением и/или за частицей, может манифестироваться в контексте, конситуации или в пресуппозиции. Зоны эти могут коварьировать. Поэтому в представленных выше примерах «теневые высказывания» могут быть непосредственными соседями основного (*В бане спят*),

там и живут; (Сад был порядочный), он же и огород; могут быть представлены в широком предшествующем контексте (Grossraumtextologie, 1968) — [], наконец, и они при-
смирели; [] Еще пуще старуха бранится; могут соотноситься и с пресуппозитивными факторами — Кое-кого ты приняла бы иначе.

2. Категория противопоставления² включает в себя следующие значения.

Значение противопоставления событий: *Хочется знать, как Вы поживаете, от Вас же между тем нет ни одного письма; Погода хорошая, только ветер усиливается.*

Значение противопоставления актантов: *Все соседи радовались за Полину и только жена капитана осуждала ее.*

Значение противопоставляемой части целому: *На всех московских есть особый отпечаток — то-то и беда, что не на всех, а только на некоторых.*

Значение выбора с характеристикой «не-Х»: *Нельзя ли пожалеть о ком-нибудь другом?*

Рассматриваемая более широко, и эта категория, как и предыдущая, есть по сути своей категория соотнесения с неким коммуникативным текстом, не все части которого эксплицитно представлены. При всяком контрастировании, как уже говорилось, необходимо иметь контрастирующие элементы *X* и $\bar{X}$. Но *X* может быть воплощен в тексте: *Он не Машу звал, а Сашу*, в пресуппозитивном фонде знаний: *Только зиму я не люблю* (остальные три времени года известны). В этом отношении акцентное выделение со значением контраста в высказываниях, лишенных частиц, принципиально сходно по семантике с высказываниями с частицами:

Все спали. Только старуха не сомкнула глаз.

Все спали. Старуха же не сомкнула глаз.

Все спали. Старуха не сомкнула глаз.

3. Категория крайности. Акцентное выделение, как мы многократно утверждали, возникает там, где имеет место отход от описываемой ситуации, отход от нормы, отход от нормативной ситуации. Отход от описываемой ситуации с переходом в рамки более широкого текста связан с общекоммуникативной задачей создания текста с общепонятными условиями контакта (*happy condi-*

² Напоминаем, что контрастивность считалась единственной содержательной характеристикой акцентного выделения.

tions). Но в коммуникации важно не только построить общепонятный для данного социума текст, но и оказать воздействие на воспринимающую аудиторию, показав оценочно-модальный фактор. Именно этой иллокутивной силой воздействия обладает то акцентное выделение, которое соотносится с нормой, а не с выходом за пределы описываемой ситуации. Таково акцентное выделение, выражающее категорию крайности. Эта категория представлена значениями: Значение минимальности: выбора ('хоть') — *Дай бумаги! Клочок какой-нибудь дай, — приставал Штольц; Ну, дайте что-нибудь. В крайнем случае мой полушубок, штаны дай; количества: Он присел к столу и в каких-нибудь полчаса написал небольшую статейку; И полчаса не прошло, как уже загорелся между ними спор; действия: Только и говорится о том, как корабль споткнулся о камень; Никто не смел даже вздохнуть, не то что сказать хоть слово; Для елки это самое подходящее яблоко: его и золотить не надо; субъекта — объекта действия: Он бы не стал возражать одному Панину, он говорил только для Лизы; Ищу, зову — пропал и след; локализатора: Только в вагоне он чувствовал себя хорошо; Значение максимальнойности: количества: Он мне все-таки кое-что оставил; Она медсестра, я фельдшер — А, это уже нечто; действия: Он даже пел безукоризненно; субъекта-объекта действия: Через год она даже шорох слышала за километр; Все пришли, даже Кирина мама; Он знал даже санскрит; локализатора: Даже дома он продолжал свои изыскания; Аромат лугов поднимался даже сюда.*

Роль акцентного выделения при создании значения крайности легко прослеживается на примерах типа (1) *Дайте какой-нибудь еды* и (2) *Дайте какой-нибудь еды*. В первом случае несомненно говорящий менее голоден, во втором — он очень хочет есть, согласен на что угодно и торопит окружающих.

4. Категория экстраординарности. Если выше мы говорили о крайности, понимая под этим некие «крайние» компоненты оси *min—max*, выражаемые акцентным выделением, то под экстраординарностью подразумевается некая особенность события в целом, отличающая его от нормы и не допускающая для него шкалярных отношений с иными объектами (событиями) на какой-либо смысловой оси.

Это относится к ситуации: неясной: *Что-то сон одолевает; Что-то глаза у тебя несвежи сегодня; исправляе-*

мой: *Только сама я за это не возьмусь; Хороша она. Только улыбка у нее неприятная; не соответствующей актуальной: Пугливый Вы. А еще девушек беретесь провожать!; Спасибо. Вот пива не могу. Работать надо; напоминаемой: Еще врачом я тогда работал; Еще пальто я себе искал; Еще моя мать заболела; Еще фотоаппарат тогда мне подарили* (см.: Николаева, 1979а).

С точки зрения акцентно-семантической все перечисленные конструкции достаточно интересны хотя бы своим отличием от всех остальных высказываний с частицами, приводимых в настоящем разделе.

Прежде всего, частицы здесь вводят высказывание, от него они просодически отделены хотя бы минимально и не относятся, таким образом, ни к одному отдельному компоненту: (1) *Что-то/сон одолевает*; (2) *Только/улыбка у нее неприятная*; (3) *А еще/девушек беретесь провожать*; (4) *Вот/пива не могу*; (5) *Еще/пальто я себе искал*; (6) *Еще/моя мать заболела*.

В этом свете небезынтересной и вначале необъяснимой кажется неперменная акцентная выделенность имени: *он, улыбка, девушек, пива, пальто, моя мать*. На первый взгляд эта ударность может легко объясняться формальной инверсией (Ковтунова, 1976) — (3), (4), (5). Однако у примеров (1), (2), (6) инверсии как будто нет.

Акцентная выделенность имени здесь, на наш взгляд, связана не с наличием—отсутствием частиц, а с особой семантикой акцентного выделения, связанной со спецификой передачи глобальной ситуации, осуществляемой в особых коммуникативных условиях.

Глава четвертая

АВ, КАТЕГОРИЯ ГЛОБАЛЬНОСТИ И ИНВЕРТИРУЕМАЯ СИТУАЦИЯ

В своей книге «Aspects of English sentence stress» (1976) С. Шмерлинг приводит интересный рассказ о том, как она узнала — в течение месяца — о смерти двух американских президентов (Schmerling, 1976, p. 41). Сначала она услышала от матери: *Truman died*. Через несколько недель ее муж сказал: *Johnson died*. Почему же в одном случае был выделен глагол, в другом — имя (точнее, почему в одном случае есть выделение на имени, в другом — нет)? С. Шмерлинг дает нетипичное для лингвиста объяснение: смерть Джонсона была неожиданностью, смерть Трумэна — нет («Truman's death was expected; Johnson's was not»). В другой своей работе, полемизируя с понятием «нормального» ударения, С. Шмерлинг приводит два примера *John died*, *John died* (Schmerling, 1974, с. 70), оба они, по ее мнению, «нормальны» по ударению, но второе есть как бы ответ на вопрос о Джоне, тогда как первое — ответ на более общий вопрос типа *Why are you looking so glum?*

Как же связаны воедино известие об ожидаемой — неожиданной смерти, глобальный вопрос об общем состоянии, примеры из предыдущего раздела типа *Что-то сон одолевает; Еще фотоаппарат мне тогда купили; Только улыбка у нее неприятная* и пр. и непременность постановки ударения на начальном имени?

Примеры такой акцентно-синтаксической структуры все чаще начинают интересовать синтаксистов и интонологов (см.: об этом Николаева, 1979; 1980). Встречаются примеры типа *Тише! Бабушка спит* или *Открой! Папа пришел*. Случаи такого рода отмечены в разное время и на разном материале: *De Gaulle ist gestorben!* (Harweg, 1972), *Präsident Kennedy ist ermordet worden!* (Fuchs, 1976); *Mach die Tür auf. Paul ruft* (Harweg, 1970).

Чем же интересны приведенные примеры? Обратимся к ним снова.

— *Открой, папа пришел.* И приход отца здесь не является неожиданностью, и сам отец, конечно, известен.

— *Тише, бабушка спит!* Имя передает известное, сам же факт сна может быть и неизвестен, поэтому такая фраза никак не есть ответ на вопрос: *Кто спит?*, где *спит* было бы данное. Нет в ней и контраста: спит бабушка, а не кто-то другой. *De Gaulle ist gestorben* — эта фраза произносится в абсолютном начале коммуникации, когда факт чьей бы то ни было смерти еще неизвестен. *Mach mal die Tür auf. Paul ruft* — приход члена семьи Пауля известен, как пишет Р. Харвер, и ожидается. *Präsident Kennedy ist ermordet worden* в этой фразе, как сообщает А. Фукс, нет никаких указаний на то, что основная информация заложена только в акцентируемом материале, а все остальное — данное.

Рассмотрим перечисленные примеры. Можно ли сказать, что *папа*, *бабушка*, *Paul*, *De Gaulle*, *Präsident Kennedy* — имена со значением нового, неопределенного? Нет. Можно ли сказать, что они передают значение не нового, неопределенного, но контрастирующего? Нет. Можно ли сказать, что вся остальная часть сообщает известное, а в них заложена новая, т. е. основная, информация? Тоже нет. Нельзя сказать также, что эти слова — самое важное. Нет, наконец, в этих примерах и инверсии, типа *Я люблю читать книги* — *Люблю я читать книги* — *Читать книги я люблю* — *Книги читать я люблю*.

Ключ к таким высказываниям, как это представляется, в их коммуникативной сущности. — *Что там за шум?* — *Стакан разбился* (Багдасарян, 1976). Разбирая этот пример, В. Х. Багдасарян указывает, что о логическом ударе, о мене субъектно-предикатной структуре, при любой постановке акцента, не приходится говорить: S—P структура здесь всегда одна: *Стакан* (S) — *разбился* (P) (Там же).

И Багдасарян, и Фукс пишут о том, что в высказываниях такого рода важно сообщение в целом: *Стакан разбился*, а не *стекла зазвенели*. Безусловно, это так. Примеров такого рода в обычном речеворении множество: — *Что это к вам все У. ходит?* — *Ему моя сестра нравится*; — *Пустите, я на поезд опаздываю!* — *Смотрите: гроза начинается.* — *Да, с Вами и говорить нужно осторожно: в газету тиснете.*

Во всех этих примерах сообщается о некоторой глобальной ситуации, важной в целом: *я на поезд опаздываю*,

а не тороплюсь просто так; Бабушка спит и шуметь не надо; пришедшему отцу нужно открыть дверь и т. д. Таким образом, от проблемы непонятной для интерпретации ударности первого имени мы переходим к идее некоторой общей характеристики всего высказывания, — называемой нами **глобальностью**.

Идея связанности языковой единицы некоторым общим признаком, сквозной характеристикой, оформляющей компоненты этой единицы, давно уже утвердилась для низших языковых уровней. Это, например, факты объединения слова (слога) такими параметрами, как назализованность, придыхательность, влияния качества гласного на соседний согласный и наоборот и т. д. Между тем в сфере анализа содержательных единиц объединенность общим признаком и, соответственно, связанность часто не принимается во внимание и даже не обсуждается. В основном, подобные явления привлекают внимание лингвистов при исследовании исторических феноменов: общеизвестны факты превращения наречий в предлоги, предлогов в предverbs; свободно употребляемых местоимений в глагольные клички и т. д. В области же современного речеупотребления и построения высказываний как бы доминирует презумпция некоторой обоймы со свободно заменяемыми местами; при этом ограничения на факт выбора того или иного компонента осуществляются в основном в лексическом или референционном плане.

Между тем объединенность большого речевого отрезка, комбинируемого из разных грамматических классов некоторой общностью смысла, может грамматикализироваться, а процесс категориального объединения идти и дальше — по новым смысловым параметрам. «На протяжении истории языка одни и те же (или весьма сходные) грамматические категории могут быть выражены сначала с помощью синтаксических средств, а затем с помощью средств морфологических, которые частично могут развиваться из синтаксических» (Иванов, 1980).

Представляется, что именно глобальность является такой сквозной морфолого-синтаксической характеристикой, которую язык умеет и стремится выразить в определенных коммуникативных условиях.

Заимствованная от таксономического описания языкового механизма презумпция гомофункциональности единиц одного языкового уровня с идеей равенства единиц

низшего уровня перед лицом высшего уровня (морфемы складываются из фонем, словоформы из морфем, словосочетания из слов, предложения из словосочетаний и т. д.) предопределила трактовку всех почти высказываний как равноделимых на компоненты. Исключения составляла обычно очень небольшая группа высказываний с перечислимым набором предикатов типа *Наступила весна; Идет дождь* и т. д., признаваемых нечленимыми.

Поворотным моментом в отношении к высказываниям подобного типа можно считать выход в свет АГ-80 (т. II), где впервые нерасчлененные высказывания представлены в широком разнообразии и полноте — в соответствии со всеми синтаксическими структурными схемами. В исходном разделе подчеркивается референтная соотнесенность подобных высказываний именно с событием как целым: «Нерасчлененные предложения отвечают на полный диктальный вопрос: «что происходит»? Они содержат новое сообщение» (Там же, с. 258). Как показывает демонстрируемый далее материал, нерасчлененные высказывания распространены очень широко; более того, для ряда структур маркированным является именно расчлененный вариант. Приведем примеры подобных нерасчлененных высказываний разных структурных типов, помещенных в АГ-80: *Жарко горели свечи* (с. 262); *Вошли в привычку ежедневные прогулки* (с. 263); *Навалило снегу* (с. 277); *Стала видна дорога* (с. 296); *Здесь между письмами была вклеена слегка пожелтевшая фотография* (с. 300); *Наивно видеть в художнике существо особого порядка* (с. 319); *Надо очень дорожить встречей с животными* (с. 323); *Видно лес и излучину реки* (с. 327); *Настроено домов* (с. 329); *В этом городе много широких бульваров, скверов, площадей* (с. 335); *Не было никаких шансов вырваться из заколдованного круга* (с. 340); *Не было ни одной капли* (с. 346); *Уже забелелось на востоке* (с. 354); *Постучали в дверь* (с. 356); *Должны построить дорогу* (с. 372); *Не угнаться за прошлым* (с. 378); *Решено открыть клуб* (с. 382) и др. Существенное внимание в Грамматике уделяется типу сказуемого в нерасчлененных предложениях разных типов; в целом, очевидно, можно выделить их два вида — они создают либо высказывания экзистенциальные, статальные (*Не было ни капли* и т. д.), либо прескриптивные, с модальностью (*Должны построить дорогу*), в обоих случаях имеется семантика результативности, статальной констатации.

Некоторые данные языкового употребления могут свидетельствовать в пользу идеи различения фраз типа *Этот человек — мой большой приятель* и *Горит восток зарею новой* или *На холмах Грузии лежит ночная мгла*. В последних двух примерах, видимо, трудно выделить то, о чем говорится, и то, что говорится об этом, иначе, тему и рему. Можно предположить, что языковое употребление специально выделяет высказывания, цель которых — указать на ситуацию в целом, представленную в коммуникации глобально, а не расчлененно. Подтверждением этой гипотезы должно служить выявление языковых возможностей, специально служащих этой цели. Как нам представляется, о некоторых средствах выражения этой сквозной характеристики — глобальности уже можно говорить.

1. Для славянских языков свойством различения глобальной—неглобальной ориентированности высказывания служат показатели аспекта. В применении к прошедшему времени свойство совершенного вида — способствовать передаче события в целом, а несовершенного — концентрироваться на самом действии уже описывалось неоднократно. В частности, эта мысль является одной из ведущих в книге О. П. Рассудовой (1968). Она отмечает, что основным фактором, влияющим на видовое употребление, является коммуникативная нагрузка говорящего, «один и тот же факт действия может быть представлен в зависимости от коммуникативной потребности говорящего» (с. 19). При этом диапазон несовершенного вида шире, он лишен дополнительного семантического признака, «добавочный признак, выражаемый совершенным видом, связан с особым представлением целостности (целостного охвата действия)». Поэтому неограниченный процесс выражается только несовершенным видом, факт единичного действия ограниченного процесса, ограниченной повествовательности передается совершенным видом, если есть установка на указание целостности, и несовершенным — если ее нет. Сходные положения высказываются и зарубежными исследователями русского вида: см. «Основное значение совершенного вида — это представление действия как глобального события, коммуникативно однозначного» (the presentation of the action as a total event related to a specific single juncture. Forsyth, 1970, p. 347). Напротив, имперфективная форма не составляет события целиком, «не сообщает нам всего, что произошло, а только часть этого» (Galton, 1976, p. 167). Особенно интересно в этом

плане наблюдение над употреблением видов в их прагматико-ситуативной проекции в неличных формах глагола, в частности в императиве и инфинитиве. Так, высказывается предположение, что совершенный вид употребляется при передаче глобальной ситуации, не контролируемой актантом — *Не простудитесь, Не споткнитесь, Не попадитесь ему на глаза* и т. д. Но — *Не разговаривайте, Не продавайте дом* и т. д. Таким образом, различается прескрипция (*Нельзя разговаривать на уроках*) и факт — (*Нельзя заказать шляпу*). Поэтому если ситуация не фактивна, а контролируема, обсуждаема, употребляется несовершенный вид глагола: *Зачем давать ему деньги* и **Зачем дать ему деньги?* (Miller, 1974).

Это различие видов в отрицательных конструкциях с императивом обсуждается и в одной из недавних работ Т. В. Булыгиной (Булыгина, 1980). Т. В. Булыгина также говорит о несовместимости форм совершенного вида в этих конструкциях с глаголами, обозначающими действие, зависящее от воли субъекта (*Носов не отморожьте — ? Не отмораживайте носов; Не поскользнься; Не стукнись, но *Не защити диссертацию; *Не плюнь в колодезь, *Не пойдешь за хлебом* и т. п.). Т. В. Булыгина делает далее тонкое замечание о том, что «прежние переводы евангельских заповедей: „не убий“; „не укради“ не соответствуют современной норме; в новом издании фигурируют формы несовершенного вида: „не убивай“, „не кради“» (Булыгина, 1980, с. 341). Существенно, что примеры, приводимые затем Т. В. Булыгиной как примеры оппозиции контролируемого — неконтролируемого действия, могут быть проинтерпретированы и с позиций противопоставления глобально-расчлененной ситуации: *Не обгори — солнце очень горячее — Не загорай, тебе это вредно; Ты там ненароком не влюбись — Не влюбляйся, тебе это мешает в занятиях; Не выпей то, что в бутылке — это метиловый спирт — Не пей сырой воды; Не прозевай поезд — Не зевай*, т. е. «будь внимателен», и т. п. (Там же, с. 342).

Коммуникативное различие в употреблении видов обнаруживается и в их отношении к событиям — реальным и описываемым в тексте, т. е. дискурсивным отрезкам. Так, Хоппер (Норрег, 1979) связывает перфективное значение с подлинными событиями (actual story line), а имперфективное — с собственно нарративным компонентом текста, принадлежащим основной его (а не реальности!) структуре, — первый язык, реальных событий, характе-

ризуется как foreground, второй — как background; первый аспект всегда реален, второй — может быть связан с ирреальностью. Рассмотренный с иной точки зрения, этот тезис соотносится с утверждаемым в настоящей работе положением о большей контекстной независимости высказываний глобальной семантики.

Обобщая подобные наблюдения, О. Даль приходит к выводу о том, что все, что происходит в окружающем нас мире, «может быть описано либо в терминах процесса, либо в терминах события (Dahl, 1974). Несовершенный вид корреспондирует процессу, который дуративен, совершенный вид — тотальному событию. О. Даль пишет далее: «По-видимому, существует тенденция пользоваться языковым изображением события — там, где это возможно».

2. В упомянутой книге О. П. Рассудовой указывается и на связь совершенного вида в высказывании с указанием на момент возникновения действия, с порядком слов, с более тесным контактом с объектом. Все это также соотносится с гипотезой о передаче глобальной ситуации как сквозной характеристики: *Только в вагоне я чувствовал себя хорошо* и *Только в вагоне я почувствовал себя хорошо*, как представляется, в первом случае обстоятельство есть только локализатор места, во втором — оно включает в себя и время до вагона, т. е. приобретает хронотопический характер. Это дополнительное значение, увеличивающее охват события, полноту его передачи, определяется меной несовершенного вида на совершенный. Помогает в этом создании комплексного обстоятельства здесь и частица *только*. Сходные функции при глаголе отмечаются для *еще* и *уже*. *Об этом он узнал еще в батальоне* — без *еще* обстоятельство в батальоне было бы просто обстоятельством места (Гойдина, 1979).

Понятие глобальности связывается и с порядком слов. Чаще всего глобальной, если можно так выразиться «голографической», передаче ситуации свойствен порядок [] + V + S, где V есть вся глагольная группа, либо один глагол, а [] может быть представлен обстоятельством — *На холмах Грузии лежит ночная мгла*, частицей — *Вот едет могучий Олег со двора*, или нулем — *Горит восток зарю новой*, или [] + V + O — *Продают помидоры* и т. п.

Нетрудно заметить, что именно препозиция сказуемого отличает все типы нерасчлененных высказываний, приведенные выше из АГ-80, существенно при этом, что де-

монстрируются высказывания нейтральной просодической структуры, т. е. с ФУ, но без АВ.

Таким образом, можно высказать мысль о двух принципиально равноправных, но разнофункциональных «*ordines naturales*» в языках типа русского: один передает ситуацию в целом, другой — бифокальность, членимость события¹.

Глобальный порядок слов, где глагол предшествует субъекту, очень распространен при описании последовательности событий и совсем не связан с эмфазой, которую почему-то непременно приписывают «инвертированности»: «Пади, пади!» — раздался крик; /Морозной пылью серебрится/Его бобровый воротник./К Talon помчался: он уверен,/Что там уж ждет его Каверин.

Нарушение порядка [] + V + S при описании глобальной ситуации, например, [] + S может привести к возникновению непредвиденного контраста. См., например, русский текст начала одной из глав романа О. Бальзака «Об Екатерине Медичи»: «В 1560 г. улица Вьель-Пельтри проходила вдоль левого берега Сены, между мостом Нотр-Дам и мостом Менял»² — можно подумать, что потом эта улица проходила где-то в другом месте, в действительности эта улица исчезла: после того, как были снесены выходявшие к реке дома, была образована набережная. Таким образом, необходима последовательность: «В 1560 г. вдоль левого берега Сены, между мостом Нотр-Дам и мостом Менял проходила улица Вьель-Пельтри» (У О. Бальзака: En 1560, les maisons de la rue de la Vieille-Pelletrie bordaient la rive gauche de la Seine, entre le pont Notre-Dame et le pont au Change).

При признании двух гетерофункциональных порядков слов возникает очень важный вопрос о первичности одного из них. Разумеется, вопрос этот очень специален и требует компетентного рассмотрения. Небезынтересно (только в этой связи) наблюдение исследовательницы детской речи Э. Бэйтс о том, что маленькие дети предпочитают последовательность Comment — Topic (или иначе — V + S)

¹ Эти обе последовательности: 1) Adv. + V + S и 2) Adv. + S² + V + O + A, но с иной точки зрения — распределения «коммуникативного диамизма» (КД) — описывает Я. Фирбас.

² Бальзак О. Об Екатерине Медичи. Собр. соч. в 24 т., 1960, т. 21, с. 49.

и что «возможно, дети не входят в мир с одним, единственным, фиксированным порядком слов в сознании (Bates, 1979).

То, что глобальность в языковом сознании отчетливо противопоставляется расчлененности, показывает интересный пример, полученный для неславянского материала. Так, в англоязычных примерах подбирались примеры с субъектом и объектом с разными артиклями (The policeman — The gangster; A policeman — A gangster; The policeman — A gangster; A policeman — The gangster). В рамках этих четырех комбинаций составлялись фразы, в конце которых сообщаемый факт отрицался. Испытуемым предлагалось продолжить текст, конструируя истину (I thought that the policeman has been injured by the gangster, but I was mistaken. In fact. . . .)

Оказалось, что при совпадении артиклей (the. . . the; a. . . a) отрицался факт в целом (например, *Я думал, что полицейский схватился с гангстером, в действительности, старушка бросилась под машину* и т. д.), при несовпадении заменялся тот компонент, который сопровождался неопределенным артиклем (не гангстер, а пьяный; не полицейский, а прохожий и т. п.). Таким образом, активное членение на тему и рему здесь опять же различно для глобальных versus бифокальных высказываний (Hupet, 1975).

Высказывания с ударным определенным именем входят, на наш взгляд, в общий комплекс выражения глобальности как сквозной характеристики высказывания. Они демонстрируют синтактико-акцентологический аспект воплощения этой категории. Но когда же воплощается именно этот аспект? Обратимся к тезису, неоднократно высказывавшемуся И. И. Ковтуновой и четко сформулированному в ее статье «Порядок слов в стихе и прозе» (Ковтунова, 1976). Высказывается тезис о том, что инверсия влечет за собой особое «экспрессивное» ударение: *Наступила весна — Весна наступила; Отец работает — Работает отец; Люблю я книги читать* и т. д.

Мы говорили о том, что высказывания типа *Бабушка спит; Отец пришел* как будто бы неинверсивны. Однако этот тезис вполне может быть пересмотрен. Представим некое повествование, плавный рассказ о ситуации. В нем возможны фразы типа *Пришел отец; Спит бабушка; Звонит Павел; Умер президент* и т. п. Однако по существующей семантико-синтаксической традиции круг та-

ких «нерасчлененных» предложений очень ограничен. В него входят так называемые «бытийные» предложения типа *Наступила весна; Пошли дожди* и т. п. А если этот круг сильно расширить? Тогда фразы типа *Звонит Павел* тоже войдут в эту сферу. Тогда высказывания *Бабушка спит; Де Голль умер* и т. д. есть также инверсивный и экспрессивный вариант, параллельный варианту спокойно-описательному. Когда же вводится этот вариант? Очевидно, тогда, когда необходима быстрая реакция адресата сообщения, и необычная форма высказывания должна привлечь его внимание. Таким образом, этот вид акцентного подчеркивания мы предлагали назвать «выделением экстренного введения в ситуацию» (Николаева, 1980).

Как же этот тип выделения связан с нормальным фразовым ударением, частым для глобальной ситуации? Во-первых, если высказывания такого типа признать инверсивными вариантами, то тогда они являются как бы симметричным отражением лексической и просодической структуры этих нерасчлененных высказываний, и акцент подчеркивания падает именно на то слово, которое в нерасчлененном высказывании находится в конце и отмечено, по интонационным нормам, нормальным фразовым ударением: *Бабушка спит — Спит бабушка.*

Категория глобальности бывает самым частым сопроводителем такого коммуникативного жанра, как описание. Следовательно, возникает идея некоторой поправки к принятой теории актуального членения: рема, как мы указывали, связана с неопределенным, новым именем и с фразовым нейтральным ударением не всегда, а в заданных коммуникативно текстах, в частности, при описании, сообщении. В этом свете просодическая модель выделения в языке сказывается более сложной и тонкой и более гибко реагирующей на коммуникативные установки говорящего. Этот вывод ведет к дальнейшим исследованиям, цель которых — установление корреляции между типом сообщения и его акцентно-просодическим оформлением.

Являются ли высказывания с акцентом «экстренного введения в ситуацию» сообщением или описанием? Для ответа на этот вопрос необходимо обратить внимание еще на одну, на этот раз текстовую, особенность этих фраз: они не только выражают некоторое глобальное противопоставление ситуации, но и оказываются минимально связанными с предшествующим текстом — в такой же сте-

пени, как мало связывается с предшествующим развернутое описание с нейтральными фразовыми ударениями. Таким образом, *Смотрите, гроза начинается* есть как бы сокращенное до минимума ситуативное описание.

Именно о связи подобных акцентологически «аномальных» предложений с комплексностью сообщаемого пишет Я. Фирбас: здесь сигнал «по своей природе независим от контекста. Скорее, он преподносит весь пучок новостей, как независимый контекст» (Firbas, 1975).

Таким образом, существуют как бы синтактико-акцентологические варианты: *Бабушка спит* — ответ на вопрос *Что делает бабушка?* и *Бабушка спит!* — призыв к тишине. Необходимо при этом еще раз вернуться к теме нашей книги: она посвящена акцентному выделению. Между тем во фразе *Бабушка спит* выделения нет; его и не должно быть по нашей концепции, так как оно не выходит за пределы описываемой ситуации и не выходит за пределы нормы.

Фраза *De Gaulle ist gestorben!* означает выход за пределы стабильности, она создает инвертированный вариант глобальности (которая сама по себе не обязательно воплощается в инвертированном ударном варианте), ударная фраза такого типа есть целое, глобальное, но экстраординарное сообщение. Экстраординарность, как известно, есть отход от нормы. В этом плане можно опять вернуться к приведенным примерам с частицами, относящимися к ситуации в целом и влекущими за собой акцентное выделение первого имени — *Что-то сон одолевает; Только улыбка у нее неприятная; Еще моя мать заболела* и пр.

Подобного рода конструкции представляют собой добавление частицы к инвертированной глобальной ситуации, входящей в некоторое понятие отклонения от нормы: *Что-то сон одолевает* вряд ли будет сказано человеком, лежащим спать в обычное для него ночное время (Вообще сочетания местоимений с *-то* со словами-названиями эмоций имеют место тогда, когда описываемое состояние неадекватно ситуации: *С каким-то чувством грусти смотрел я на веселящуюся молодежь*, но **С каким-то состраданием смотрел я на умиравшего в муках больного*). Фразы же типа *А еще девушек беретесь провожать; Вот пива не могу; Еще пальто я себе искал* — представляют собой инверсию более обычного типа с подчеркнутым инвертированным членом.

Так, глобальность как сквозную характеристику раскрывают не только показатели вида и времени, свойства обстоятельств и вводящих частиц, порядок слов, но синтактико-акцентологические характеристики³. Поэтому теория актуального членения должна, по-видимому, принципиально по-разному применяться к глобально-ситуационным и бифокальным высказываниям: искать рему в первых, даже при случаях экстренно-коммуникативной инвертированности, возможно было бы излишне прямолинейно и схематично.

³ На связь синтаксической акцентологии и аспектоидных характеристик при категориальной перестройке высказывания в диахронии обращает внимание и Вяч. Вс. Иванов (1979).

АВ В СВЯЗНОМ УСТНОМ ТЕКСТЕ

Все сказанное относится в той или иной форме к акцентному выделению, ареной существования которого является одно высказывание. Собственно говоря, все исследования, посвященные феномену выделения, рассматривают ли они сдвоенное высказывание — вопрос-ответ, реплика первая — реплика вторая (Gunter R. 1966), или размещение акцентных высказываний в тексте достаточно большой протяженности (Harweg, 1968), анализ всегда проводился «с точки зрения» акцентного выделения в изолированном высказывании; задача при этом была и есть — понять, почему появилось именно это выделение, каков именно его коммуникативный генезис. Мы пытались доказать, что акцентное выделение возникает в «экстранормальных» случаях, тогда, когда необходимо выйти за пределы высказывания, искать его коммуникативных соседей. Мы старались показать, что эффектное на первый взгляд распределение места выделения в словосочетаниях с частицами: *Еще чаю* vs *Еще чаю*; *Вот мостик* vs *Вот мостик* хотя и функционально значимо, но на самом деле, с точки зрения изолированного высказывания, оппозиция здесь не эквиполентная, а привативная, поскольку речь идет о чередовании выделения (размещенного на частице) с отсутствием выделения, поскольку нормальное фразовое ударение не есть выделение. Демонстрировался тот интересный феномен функциональной синтаксической акцентологии, по которому размещение выделения на одном слове может означать инверсирование особого вида высказывания с такой специфической сквозной категориальной характеристикой, как глобальность; причем инверсирование это производится со специальной коммуникативной нагрузкой экстраординарного привлечения внимания. Таким образом, речь шла и об изолированных высказываниях, рассмотренных в том или ином аспекте.

Между тем можно рассмотреть набор акцентно-выделительных единиц в связном тексте одного стилевого типа и выделить их функциональные задачи, т. е. сконструировать некоторую модель акцентного выделения в рамках

этого жанра (выделяются функциональные единицы и описывается их дистрибуция). При таком подходе может, оказаться, что представленная модель демонстрирует более тонкую и разветвленную семантику, чем все модели предлагавшиеся выше. В то же время необходимо сознавать, что характеристики, выведенные для определенного жанра как замкнутой стилевой системы, не могут быть автоматически перенесены на другой жанр или даже на некоторую стоящую над ними обобщенную надстилевую структуру.

Объектом исследования явилась устная научная речь (в дальнейшем УНР). Эта сфера проявления устной коммуникации, т. е. по существу особая разновидность монолога, отличается повышенным количеством акцентных выделений и потому представляет значительный интерес для нашей темы. «Некоторая аритмичность чтения научных текстов обусловлена повышенной выделенностью логических центров» (Шевякова, Пинаева, 1977, с. 170). Более того, оказывается, что в таких монологических официальных высказываниях общее число акцентных выделений больше, чем в непринужденных высказываниях, в свободно подаваемых репликах (37% в официальных высказываниях vs 25% в непринужденных высказываниях; см.: Евчик, 1978).

Коммуникативные задачи устного научного текста (лекции, доклады, научные выступления и т. п.) просты и обозримы: 1) говорящий должен создать связный текст, т. е. превратить «поток сознания» в законченные или квазизаконченные фразы, обозначив их начала и концы, 2) внутри строящегося текста он должен наметить некоторые основные информационные точки — то, о чем он говорит, 3) он должен высказать нечто об этих намеченных точках, 4) он должен, убеждая аудиторию, сообщить и свое отношение к сообщаемому.

Очень во многом УНР сохраняет черты публичного монолога вообще и, таким образом, несет и характеристики чисто ораторского свойства. Между тем у УНР есть и своя специфика, состоящая в меньшей эмоциональной допустимости (Вспомним: «Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать!» — ведь это говорится об учителе, обязанном сообщать научно-информативные факты), и, напротив, в установке на запоминание аудитории, на сообщение ей новых терминов, новых понятий и усвоение их ею.

Все, о чем мы говорили, есть в типах АВ, предлагаемых УНР и ее текстами. А именно: представлены слова, контрастирующие по акцентному выделению, акцентно выделенные частицы, слова рематического характера, более важные и более весомые. Поэтому в представляемом ниже кратком описании акцентного выделения в УНР целесообразно остановиться на чертах, с одной стороны, специфических, с другой — системообразующих.

1. Стремление к формированию четко выделенного начала. Необходимость строить связный текст по мере речеговорения, параллельность протекающих спонтанных процессов в УНР заставляет говорящего очень четко фиксировать границы сообщаемых речевых квантов¹. Это подчеркивание начал отмечает и Р. Харвег для не подготовленных заранее, передаваемых по радио «Последних известий», при этом, согласно его точке зрения, особенное подчеркивание локализатора (*Ortbestimmung*) объясняется отсутствием в подобных текстах заголовков (Harweg, 1968). Такое же стремление к выделению начал речевых отрезков описывает на уровне просодических средств разговорной речи — РР — Н. Н. Розанова (Розанова, 1980), причем, по ее данным, тенденция выделения начала оказывается действеннее стремления точно обозначить конец, который просодически предстает несколько смазанным.

Перечисляя слова, которые, находясь в инициальной позиции, не получают обычно в чешском литературном языке акцентного выделения (*nedůrazný*), В. Матезиус подробно перечисляет список лексемных типов этого свойства. Список этот очень интересен — здесь и для дальнейшего изложения с точки зрения фактов, поставляемых УНР. По Матезиусу, обычно не выделяются: 1) союзы или предлоги, 2) демонстративные или поссесивные местоимения, 3) показатели количественные, 4) местоименное дополнение, 5) местоименное подлежащее, 6) односложное слово, уже известное из контекста или из ситуации, 7) некий тут же объясняемый односложный компонент, 8) некоторые односложные глаголы, 9) односложные вопросительные слова (Mathesius, 1967, с. 267).

Эти закономерности, как видно, в основном относящиеся к односложным инициалам, может быть, являются

¹ При этом, как известно, границы внутреннего кодирования не всегда совпадают, точнее, почти всегда не совпадают с границами декодирования в спонтанной речи (см.: Николаева, 1970).

чисто чешской спецификой, так как именно для чешского языка отмечалось ударение на втором слоге мелодически, «закон второго слога» (см.: Багмут, 1970). Однако приводимые ниже примеры покажут и для русского языка отклонение УНР от нормы устного литературного прочтения.

Первой особенной чертой УНР является акцентное выделение инициальных служебных слов (ср. список В. Матезиуса).

При этом служебные слова выделяют речевые отрезки, разные по подчиненности. Это могут быть:

Начала некоторого синтаксического целого: *Ну вот/значит/если говорить о том/что вы делали/;*

А расшифровки эти/я их вообще рассматривала/достаточно так сказать ответственно серьезно//; И после сличения этих данных/вопросы останутся//Если же/граница предложения/ничем не сигнализируется//И/наконец последнее//что нам было делать/с движением тона//; Если/эффективное подавление шумов/осуществляется/всегда/только с помощью фильтров.

Вводные слова: *к сожалению/сегодня сложилось такое положение//; к сожалению везде превалирует первая часть «конструкторско»/и очень отстают технологическая//; основным недостатком/в работе отраслевых институтов и в частности ВПТИэлектро/ВНИИТМе//является//; Значит/прежде чем убедиться в том//; Разумеется/это не есть/полное/исчерпывающее/а—э — ограничение//Итак/значит вот учитывая опыт//; Может быть/с другой стороны/это просто поиск.*

Служебные и полужнаменательные слова анафоро-катафорического толка: *Поэтому/рассматривая сегодня вопросы/как/«лучше» решить вопрос о технологии//; При этом нужно оговорить/что работы начинались практически с нуля//; Но зато//вы ведь не можете себе позволить не прочесть. . .; Значит/я/хочу/выделить/что; Значит//атрибутивную конструкцию/э/здесь исключить нельзя.*

Служебные слова, соединяющие части целого: паратактического типа — *Стандарты есть/но/или отсутствие значит оборудования//; различия/между так сказать Новгородом Галицией и в Киеве/и//северо-восточной Русью//; запись получилась/либо/неинтересной/либо/непригодной/технически//; Такого рода работа/не проводилась ни в нашей русистике/ни/а—а/вообще/в целом; во всех этих/работах/и всем/что я только что сказала; не/определяет/*

э/опорное существительное/а/она служит для. .; гипотак-
тического типа — Второе заключается у нас в том/что/;
нормировала малайский язык/хотя/малайский язык/про-
стите не малайский/а тамильский классический/является
переводом//; Просто в силу того то/что действительно
является общим стандартом//, вот это доказать//то что
человек не случайно ошибся; и/из докладов/и/из таких
непосредственных обсуждений; то есть там/э/; просьба
состоит в следующем/чтобы/наши участники обращались
к нам.

Служебные слова в подчиненных, управляемых слово-
сочетаниях: и другие понимаете приборы на/электродвига-
телях/; основополагающих документов/по/единой системе
документации. . /по//типовым технологическим процессам
/по оснастке/92 стандарта/; наш рабочий план/э—э по
срокам/и/по/содержанию/нашей работы//; мне кажутся
/симптоматичны/для/настоящего времени/; смысловых от-
ношений/которые возникают/на линейной оси/; пригодной
ареной/ну/для/вот новых интересов языкознания/; ней-
трального произнесения высказывания/без внутреннего вы-
деления каких бы то ни было элементов/; нашей практиче-
ской работы по/улучшению вот этих расшифровок/; куски
из/лекций/и непосредственных обсуждений.

Как видно, последний случай особенно противоречит
принятым нормам литературного прочтения. Сильное под-
черкивание начальных служебных слов (сейчас мы отвле-
каемся от того, сопровождаются ли подчеркивания пау-
зами хезитации или нет) отмечает и для английской
научной речи Л. П. Бондаренко (1978). Адекватная трак-
товка этого своеобразного явления затрудняется тем не-
маловажным обстоятельством, что современная лингвисти-
ческая наука не располагает пока аппаратом, достаточно
надежным, чтобы определить, как соотносится тот или
иной фразово-просодический факт, в том числе и акцентное
выделение, с эволюцией синтактико-акцентологической
системы в историческом плане. Поэтому мы можем считать
перенос акцента на начальное служебное слово (и тем
самым четкое очерчивание речевого отрезка) и ритори-
ческой инновацией УНР и, напротив, реликтом, сохране-
нием очень древней системы и-е. синтаксической акценто-
логии, характеризующейся именно начальной выделен-
ностью вводящих служебных слов (см.: Иванов, 1979).

Помимо служебных слов, начало речевых отрезков
выделяется для УНР и для темы, исхода сообщения.

Практически тема/об истории русского учебника/она как-то пропущена/; Пауза/то есть пауза/в которой имеется определенное временное рассеяние звучащей речи/; Расшифровки/покрывают некоторую часть/этой фонотеки/; экспериментальная психология/Как я уже говорил/это качественно был новый/шаг/в истории психологии.

2. Стремление к выделению и подчеркиванию «опорных точек» в УНР. Функцию просодического выделения вообще неоднократно видели прежде всего в создании ярких меток внутри высказывания, создания «точек информации». Трактовка актуального членения как выявления информационных центров (возможно, более, чем одного) в высказывании О. А. Лаптевой также сводится к этому (Лаптева, 1972). Однако, анализируя типы выделения знаменательных слов в УНР, становится очевидным, что говорящему свойственно выделять некоторые «опорные точки», объекты, или предметы сообщения. Семантика такого выделения довольно проста, ее можно трактовать приблизительно как «именно X», «как раз X» и т. д. Причем эксплицитно выраженного контраста с чем-то реально представленным в данном тексте или в пресуппозиции здесь нет. Акцентные выделения именно такого типа — создание «опорных точек» — составляют большую часть вообще всех акцентных выделений УНР. Таким образом, еще раз демонстрируется рутинность, шаблонность привычной трактовки акцентного выделения как непременно контрастивного или, на крайний случай, эмфатического.

Опорными точками, как правило, являются: термины — *В вопросе ретегии/остается вопрос очень отсталый понимаете/; в искусствах речи мы выделяем риторику/грамматику/поэтику/там/так сказать/логику//; анализ традиционный//э—э — корреляционный анализ/регистрационный анализ по. . . данным; мы называем это//иногда информационно-логическими/системами; дальше//сидит подразделение/называемое аналитическим подразделением/; до уровня определяемых аспектностью/первоисточников; имена собственные (особенно при перечислении): по данным этих грамматик/скажем Смотрицкого/и Донатуса/; издают скажем э//миниатюры из романов на урду/; э-э работы Павлова. . . так сказать/на первом плане/; это Чарльз Осгуд//один из основоположников/психолингвистики/Америки// Это концепция//тяготеющая к ранним работам Торндайка/; Широко известные книги Лэйдо/или*

Ладо//имя которого конечно известно//Риверс. . .
э-/этого//; Один из основоположников/современной фран-
цузской/научной психологии/Жорж/Полицер/пишет. . . ;
локализаторы — поэтому наша задача сегодня/видимо//
взять резкий курс на технологию/; А сейчас/пока/передаю
слово. . . ; начиная примерно с сороковых годов/да при-
мерно сороковых/; процессу выравнивания/ну. . . вот ска-
жем, в 60-х годах помогло; слова количественного значе-
ния (см. выше обратные рекомендации у В. Матезиуса):
двадцать скажем/неопределенных а там восемьдесят опре-
деленных/; Бывает так/что эти два предложения/синтак-
сически отделяются друг от друга/; какой способ считать
первым по порядку/; не помню сколько там/четыре до-
пустим/; проблемы организации текста/должны идти на
третьем цикле/то есть на следующем;

слова уточняющего значения, чаще всего с повтором
(роль повторов в разговорной речи отмечает и Н. Н. Ро-
занова. Указ. соч.). Причем выделенное слово может быть
до повтора, а повтор как бы разъясняет сказанное — вы
рассматриваете его экзегетику//то есть реалии/в кото-
рых он написан//вы рассматриваете его герменевтику//то
есть правило на котором он составлен/; учебники скажем
там по электрификации/; противоречий учебника/то есть
противоречий/; номинатив//именительный падеж/; или
быть элементом второго члена, собственно повтора: такая
проблема/проблема адаптации/; тип упражнения//это
дриллы/так называемые//; опорные точки также часто
вводятся и сопровождаются специфическими поясняю-
щими сопровождающими словами типа например, так
сказать, то есть и т. п.: значит/э как говорится/микро-
инвентаризация/нашей техники/; и сам так сказать абори-
ген/проходящий свою собственную культуру/; остальной
массив/так сказать/ утилизация этих культурных тек-
стов/; нечто вроде утопии «Уолден ту» (так сказать
полемика) «Второй Уолден»; э-э/так сказать парадигма;
вот такого рода некоторый//люфт так сказать.

Отмечая огромное количество акцентных выделений,
формирующих «опорные точки» в УНР, нельзя забывать
прежде всего о дидактическом моменте в устном научном
сообщении: лектор должен донести до аудитории значи-
тельное количество незнакомых ранее терминов, понятий,
цифровых показателей, при этом быть уверенным в том,
что эти объекты речи восприняты максимально верно.
Поэтому естественно обеспечить их восприятие акусти-

ческими средствами, наиболее надежным из которых является акцентное выделение (напоминаем, что термин «акцентное выделение» в нашей трактовке на страницах этой книги означает лишь выделенность речевого компонента просодическими средствами и не претендует ни на какую фонетическую интерпретацию этого явления, что является сознательной установкой автора).

Специфическим явлением УНР, не нашедшим в нашем исследовании полной интерпретации и относимым к причинам перцептивно-ритмического характера, является феномен, условно названный нами «разгрузкой словосочетания», когда в протяженном словосочетании, принципиально допускающем отсутствие специального подчеркивания и могущем быть оформленным просодически по правилам развертывания словосочетаний в русском языке (см.: Ковтунова, 1976), оказывается, что один из компонентов обязательно акцентно усиленно выделен, что, на наш взгляд, облегчает восприятие и в то же время фокусирует внимание слушателей на таких несколько искусственных в функционально-семантическом отношении «опорных точках».

Выделенным может быть имя управляющее: *знание этих культурных текстов/; каков был prospect по этому изданию/; выделяются в совершенно определенную сферу/семантики/; оно/нормируется/с помощью языковых текстов/; независимо от сложности лингвистической концепции/; Перед нами стоит существенный вопрос/оценки содержательной стороны этих записей/; показывает разницу/этих выделений/; имя управляемое: знание областей где они находятся/; чтобы разобрать роман/этого автора/надо просто убедиться в двух вещах; число толкований/и объяснений содержания/во много раз превосходит/; бывает разный тип переноса нормирования//; составляет главную вооруженность лица/изучающего культуру/; при огромном понимании/Потребни со стороны историков литературы/; мероприятия по увеличению выпуска/электротехнической продукции/; специфические операции по анализу массива//; выпуск разнообразных указателей/по содержанию фонду/; грамматики/типа многократного поиска перебора/; прилагательное-атрибут: и тексты/относимые к разным областям филологии/; стандартный путь/к таким неправильным поискам/; всегда есть какой-то авторский метатекст/, мы взяли ключевые/для данного образования/тексты/; вот мы хотели бы найти русский норма-*

тив/; и найти серьезные диалектальные различия/; раскрывает нам/какую-то/самую основную/первичную картину жизни/; вопрос создания/значит/комплексных технологических процессов/; производства специальных/электрических машин/малой мощности/.

3. Квалификативные отношения в системе УНР. Если выделение служебных слов служит очерчиванию границ сегментированных отрезков создаваемого связного устного текста, приковывая слушателя как бы к арене, на которой будут разворачиваться сообщаемые явления, а опорные точки играют роль как бы звукового подчеркивающего жеста, дейксиса просодического плана (см.: Поливанов, 1968), то акцентное выделение в УНР несет еще и квалификативную функцию. При этом, в силу многоканальной информативности звукового текста, квалификативное акцентное выделение располагается по некоторой смысловой шкале от выражения субъективной оценки происходящего до объективной передачи происходящего с намеченными объектами. Эти смысловые линии могут налагаться и совмещаться: лектор сообщает и воздействует. При этом он может не только оперировать оценками, но и рекомендациями, поощряя или порицая аудиторию за какие-либо потенциальные (ибо аудитория пассивна) действия.

Оказывается, что далеко не все смысловые отношения выражены в УНР акцентным выделением. В целом, по данным нашего анализа, выделяются четыре квалификативные зоны. Это — перечисляем от субъективного к объективному: зона оценки, зона модальности, зона отрицания и зона результативно-статального. Каждая из этих зон представлена субкатегориями, которые будут перечислены ниже. Несомненно, естественной репликой на сказанное (или даже, может быть, естественным возражением) может явиться следующий довод: акцентное выделение реализуется на слове, поэтому речь идет о лексическом пласте, а не акцентном. Еще раз подчеркиваем, что настоящий анализ проводится «с точки зрения акцентного выделения»; при этом оказывается, что оно накладывается не на все лексические слои, а на те, которые, в широком смысле, создают упомянутые зоны. Существенным моментом — как и вообще в плане акцентного выделения — является и введение в схему неабсолютной или субъективной оценки.

В наибольшей степени это относится к словам наречного типа со значением повторяемости, итеративности. Высказывания приобретают квалификативно-квантитативный компонент 'очень много' только при наличии акцентного выделения — см.: *Он опять идет с этой девочкой* — *Он опять идет с этой девочкой*; *Мы ежегодно посылаем туда около сотни студентов* — *Мы ежегодно посылаем туда около сотни студентов* (см. в гл. III аналогичное состояние с частицами типа — *нибудь*, когда только акцентное выделение вводит в категорию крайности — *Дайте какой-нибудь еды* — *Дайте какой-нибудь еды*). Таким образом, в зоне оценки акцентное выделение может налагаться на лексическую семантику, как бы дублируя ее, и может «проявлять» ее контекстное оценочное значение.

З о н а о ц е н к и бывает представлена лексически:

1) интенсивом адвербиального типа: *всякая культура/поскольку она культура/обязательно//содержит в себе ключи к себе/; поймать отличие учебника... очень трудно.../; У нас очень часто/записи срывались/и не получались/; тексты должны быть предельно понятными/; это совершенно закономерно/с точки зрения звучащей речи/; системы научно-технической информации/весьма разнообразны/по своим показателям/; они могут на любой запрос очень быстро ответить/; сам ничего не вводит/но имеет за собой/очень большой/контингент/пользователей//; доступ/к полному информационному полю/что бывает очень важно/; и очень здорово действуют/; та концепция.../она очень проста//; это очень была/механистическая концепция/; подверглась невероятно/острой критике//; он необычайно прост//;*

2) оценочным прилагательным в положительной степени: *как культуру чужеземную/иностранную/удивительную/во многих отношениях/; она была бы/достаточно полной в ее исторической изменчивости/; на сегодняшний день имеется огромная/разнофикация/изделий/; задача сегодня взять резкий курс/на технологию/; важная роль в этом вопросе/принадлежит/системной работе/; необходимо установить/обязательное соблюдение/тех или иных требований/; здесь может быть трактовка предложена совсем новая/; выше идет огромное количество всякой информации/; начинали с таких очень хороших/научно-обоснованных предложений/; промышленная система/требует/минимальной зависимости/от человека/; если эта система*

дает достаточное количество информации/; прилагательным в превосходной степени — это одна из самых тонких сторон/исследования ключевых текстов/, стиль/один из величайших симптомов/того как автор пишет; я встретила это/в речи прекраснейшего оратора/; это важнейшая/задача организации/любых междисциплинарных конференций//; мы подошли к самому интересному/разговору//; это один из важнейших/вопросов гоголевского стиля/; это важнейшая/э/задача организации/любых междисциплинарных конференций/; прилагательным в сравнительной степени — некоторые фрагменты/вы изучили лучше чем они/; это может быть проще/чем мы думаем/; я ожидал гораздо меньших успехов/; вы встречаетесь/как это ни странно/с более интересной аудиторией/;

3) итеративами субъективно-оценочного плана: что обычно бывает во всяком тексте/; он всегда обладает/известной/стилевой/направленностью. ./.; наши съезды/неизменно/давали/большой импульс//; в ряде стран/вновь прозвучала очень отчетливо/та постановка задачи//; приходится/вновь/рассмотреть вопрос о приоритетах//; Но мы/часто/подсчитываем/эффективность/без учета качества//; чувство нового всегда сочеталось/с глубочайшим уважением/к традиции/;

4) кванторными словами со значением тотальности: элементы/которые вводят любого/местного аборигена/в состав этой культуры/; хороший человек-то есть вообще хороший человек/; видимо каждый из них может употребляться во второй инстанции/; всякий перенос фразового/синтагматического ударения/сигнализирует/; это действительно происходит в каждом/из нас/; все существующие в наше время/системы автоматизированные. . . абсолютно все//; наряду со всякого рода/системами функционального назначения/, для обращения к любой/не текущей странице/требуется косвенная адресация.

Как будет показано и дальше, вероятности АВ именно оценочной зоны очень велика.

З о н а м о д а л ь н о с т и представляет собой семантически более сложное явление. Именно в ее пределах проходит грань между субъективным и объективным, хотя, строго говоря, принцип шкалярности здесь особенно очевиден. И в рамках зоны модальности можно говорить о прескрипции (Поступать таким образом нельзя) и факте (Он не хотел так поступить).

Прескрипция: в общем-то нам можно ориентироваться/на наши собственные знания/; таким путем идти нельзя/; значит/в данном случае//можно так сказать/; мы решаем/здесь можно поставить антецедент/; нужно обязательно заставлять их работать/; значит/что хватит выполнять эту программу//; ...хватит выполнять/она должна перейти к другой/; к стилистике общенародного языка/нельзя применять слово система//; к стилям речи нельзя//относить различия между книжной/и разговорной разновидностями этим заниматься надо/.

Факт — в последнем случае необходимо четко осознавать функциональную роль места акцентного выделения в сочетаниях с модальным глаголом.

Если АВ падает на инфинитив немодального значения, то это уточнение, выделение «разгрузочного» центра словосочетания (см. о разгрузке словосочетаний с именем): он должен все это объективно выяснить/; они думают/что могут постигнуть это построение/; он хочет куда-то повернуть/течение планет/; 10-ая пятилетка должна увеличить на 50%/; они должны/изготовить уникальное оборудование/; нужно искать появляющиеся запросы/; вообще-то/ее можно решать/; и вы сможете выйти на нее//; какую операцию необходимо выполнить/; и вот/что мне хочется подчеркнуть//; каждый хотел как-то развиваться/и вот почему/. Если же акцентным выделением отмечен сам модальный глагол, то в этом случае имеет место несомненная полемика с неким предшествующим или подразумеваемым мнением, противоположным высказываемому. Таким образом, в этом смысловом участке комбинируется иллокутивное и перлокутивное в речи. Лекция должна не только сообщать, но и воздействовать: Этот вопрос/и не может быть//вот так сейчас решен//; Станут квалифицированными работниками//которые/смогут создать/новый справочник/; хотя он это хотел/сделать как однажды говорил об этом//; это жизнь так сказать/без этого/мы//не можем//; ученые естественно//не могут/привести рациональных аргументов/; человечество не может/согласиться со скучной логической/концепцией мира/; Шеррингтон не мог встать/на позиции материализма/.

Зона отрицания в УНР представлена также широко и во многих случаях содержит скрытое указание на некую полемику, в этих случаях действительно имеет место и столь часто упоминаемый контрастивный оттенок. Повсеместно распространенным для разных текстов УНР

феноменом зоны отрицания является размещение акцентного выделения не на знаменательном слове, как это считается правильным в норме литературного прочтения, а на приглагольном отрицании: *Этот содержательный момент/не позволяет расшифровщику/адекватно расшифровать/*; *Мюриэль не голосовала за Губерта/*; *слушающего/который не/представляет/что такое членение речевого потока/*; *граница между предложениями/не была обозначена/*; *синтагматические членения не соблюдаются/*; */что не отражается на степени/понятности речи/*; *сама информация/не опирается на последствия/*.

И самое удивительное в своей последовательности — выделение ударением отрицательной частицы *не* у прилагательного (наречия) и существительного: *может быть вовсе не для/контраста/не для темы/*; *если это трактовать без/как вот/пресуппозиции/*; *и пишете/не разборчиво/*; *это совсем не необходимо/*; *служит не для определения/какого-то объекта/*; *т. е. факультативную/не необходимую/*; *связано не то существительное/которое имеет определение/*; *без определения/употребляться/не способно/*; *о взаимной передаче информации/не в реальном масштабе времени/*; *это не недостаток машины/*; *нечекующая страница/это все остальные страницы/*; *или отрицающего предлога: без: нейтрального произнесения высказывания/ без/внутреннего выделения каких бы то ни было элементов/*; *являются бессмысленными/без того ограничения/которое вносится/атрибутом/*; *задачи долгосрочного планирования/без/четкой концепции совершенствования/*; *явление несоизмеримости/двух отрезков/*; *ср.: несуществование одного из них/было и понятно/*; *они оказываются/не существующими/*.

Это необычное для нормы прочтения явление соотносится, на наш взгляд, с несколькими факторами.

Во-первых, это то же, уже упоминавшееся, стремление выделять именно служебные слова, делая их как бы опорой текста. Во-вторых, концентрация акцентного выделения на частице или предлоге как бы усиливает отрицание, фокусируя его и в то же время направляя его полемически.

Вместе с тем необходимо отметить, что акцентное выделение может располагаться и на всем знаменательном слове — *противоречие в содержании есть невольное следствие/ошибок составителя/*; *очевидна/некоторая идея/такой нерасчлененной бытийной ситуации/*; *с легкостью*

совершенно непостижимой/он назвал до десяти работ/; в тех курсах/которые он повторял/неоднократно/; система изложения была/далеко/нелегкой/; двигатель немислим/без электроники/; речь здесь не идет/о какой-то недобросовестности/; он не хотел сказать/что человеческая психика непознаваема/.

Результативная зона включает в себя и статуальное значение, поэтому в нее входит общее значение статуса: *есть/нет* с той же долей полемики в пресуппозиции; *оказывается что предтечи есть/; никакого другого способа/раскрыть это содержание/практически нет/; стандарты есть/; здесь формальных/каких-то показателей нет/; Ресурсов у системы/э в ближайшее время нет/и не предполагается/; организации/занимающиеся техникой соответствующей/есть/; был сделан вывод/что его и нет/; значение 'стать' — иногда ключевые тексты оказываются очень большими/; значит все оказались тем самым поэтами/; Московский университет/становится/в известной степени/таким образом/; он стал также редактором//таких изданий как/; он был воплощением/высокого идеала/университетского профессора; общерезультативное глагольное значение: *они куда/более основательно/схватываются/и описываются/ключевыми текстами/; когда он лезет и выясняет что происходит/то потом что-то находит/; собственно учебник/нам все и раскроет/; и остановил этими трудами/развитие русской риторики/; дело было пошло/; Значит/я выделила/ старое;**

Таким образом, вся общая система акцентных выделений в УНР представляет собой тройную систему: очерчивания границ (путем выделения служебных слов), установления «опорных точек» и высказывания квалификационных суждений².

Однако реальный текст на УНР представляет собой сложную картину наложения всех указанных тенденций и смысловых зон, являя собой некоторые феномены глобального характера. Прежде всего важно то, что далеко не во всех указанных случаях имеет место акцентное выделение; в известной степени его употребление факультативно и варьируется от говорящего к говорящему. Ка-

² Необходимо еще раз подчеркнуть, что все «общенормативные» выделения: контраст, выделение при частицах, текстосвязующие подчеркивания и т. п. свойственны и УНР, но в гораздо меньшей степени, чем это можно предположить.

кие же особенности его общего употребления в УНР можно наметить в первую очередь, посчитав их спецификой УНР как стиля речи.

Во-первых, это тяготение к созданию акцентируемого класса, класса слов, по своей семантике настолько часто комбинирующихся с акцентным выделением, что их подчеркивание становится почти автоматизированным. Это классы слов типа *очень, совершенно, абсолютно, полностью, никак, никогда, где бы то ни было; Опять, вновь, раньше, всегда, ежегодно, обычно; Есть, нет, нельзя, можно, не следует; Именно, так сказать; но, или, поэтому, как, где, что* (в косвенном вопросе); *важно, мало, много* и т. д.

Тяготение именно определенного класса к акцентному подчеркиванию (модальные слова, количественные и пр.) отмечалось И. Лековым (Леков И., 1973). Интересен вопрос о временной характеристике этого явления: есть ли это процесс активный, втягивающий в свой круг все новые слова или состав класса определился довольно давно, тогда подтверждение этих данных могло бы в свою очередь быть полезным свидетельством для интерпретации историко-фонетических процессов.

Во-вторых, данные акцентного выделения в УНР и особенно тот аспект выделения, который связан с формированием «опорных точек», абсолютно не подтверждают распространенного тезиса о регулярном чередовании «новое слово — ударно, оно же повторенное — безударно» (см.: работы Р. Харвега). Напротив, какое-нибудь ведущее опорное слово — ключевое к данному тексту или существенный термин — на протяжении достаточно протяженного отрезка подчеркивается постоянно: *В чем заключается/и чем обеспечивается/интенсивность/краткосрочного обучения//; вопрос интенсивности обучения на краткосрочных курсах/встал особенно остро/. . . после некоторого отдыха/снова выделяется ступень/интенсивного занятия/; интенсивный характер организации и процесс/учебного процесса/может и должен быть использован/для/повышения эффективности обучения/... Очевидно интенсивность//принимаемая как количество учебных часов и общий срок обучения/находятся в некоторой/закономерной/пропорции. И здесь проблема вот этой/интенсивности краткосрочного обучения/особенно/важна//Интенсивность и это подчеркивается/в современной/методической литературе со всей определенностью/обеспечивается/всем/содержанием/учебного/процесса.*

Дидактический характер анализируемого текста во многом поддерживает эту сквозную подчеркнутость.

Все сказанное об общей модели акцентного подчеркивания в УНР строилось на отдельно рассматриваемых компонентах каждого слоя. Между тем разные семантические характеристики могут объединяться, компоноваться, составляя некий функциональный пучок, и тогда вероятность акцентного подчеркивания увеличивается. Приведем примеры таких комбинаций:

1) оценочные слова + результатив: *что мы постигаем верхушки/это конечно плохо; но этого мало/; все эти теории//будут очень различны/; это очень важно/; в общем плане уровень обеспеченности стандартами высокий/; есть совершенно четкая/синтаксическая структура/; выйти на новый качественный уровень/;*

2) результатив + отрицание: *закljučается в том, что текст не анализируется/; они так сказать/где-то не избежали/известного крена//; но крен тут не удался/; Разумеется/это/не есть/полное/исчерпывающее/ограничение/; не был бесстрастен/безразличен/; проблема научной категории героя/не разработана/; его сочинениям//по этой проблеме/несколько не везло/;*

3) разгрузка словосочетания + оценочное слово: *и/тем самым/фактически целостная концепция/любого из журналов/; это был единый литературный язык/; все эти процессы представляют/острую необходимость для заводов/; Он должен состоять уже в качественном/подходе и оценке/этих материалов//; помогают нам в очень тонком/коммуникативном нашем общении/; должно быть/в неопределенных вот таких ярких/маркированных показателях нового/; могут вызвать/разную/систему средств/;*

4) контрастивность + разгрузка: *(неопределенных артиклей/очень мало/а определенных очень много/; здесь никакого другого/вы не ждете/; воспроизводили/на основании вашей пресуппозиции/; это не устные тексты/а письменные/; материалом не художественной речи/а научной речи/; стал смотреть/не изнутри/а снаружи/; есть еще и другие направления/; записывается не содержимое/а адрес//;*

5) модальность + отрицание + результатив: *нужно не ждать/; мы не можем двинуться в практическом применении/; он мог позволить себе роскошь не повторяться/.*

Рассмотренный текст УНР кажется как бы единым высказыванием: огромным и расширенным. Поэтому в его

составе мало высказываний, рассчитанных на коннотативную ауру, мало контрастивов — этим он отличается от ораторского текста, много информативных опорных точек часто фактического наполнения — этим он тоже отличается от ораторского публичного текста. Таким образом, картина дистрибуции АВ может быть гибкой. Мы описывали изолированные высказывания, предполагающие контекст; анализировали АВ в «глобальных» высказываниях, свободных от контекста, но не свободных от коммуникативной конситуации, а в данной главе рассмотрели единый запрограммированный поток текста, гигантское высказывание, подчиненное дидактической задаче.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что об АВ в представленном выше тексте сказано как будто бы немало, несомненно, что окончательное его изучение еще далеко. И это окончательное исследование должно привести к составлению списка тех содержательно-функциональных категорий, которые передаются (или обслуживаются) АВ. Время должно показать и то, являются ли эти категории универсальными или типологическими, различающими языки. Уже сейчас можно высказать гипотезу о компромиссности ответа на этот вопрос: часть передаваемых смыслов, очевидно, универсальна, а часть передается в одних языках средствами АВ, в других — какими-то иными возможностями (см. об этом: Гак, 1975). Связан с этим и другой вопрос, не менее, а, может быть, более фундаментальный: является ли возникновение АВ как осознанного функционального средства показателем некоторого этапа в языковой эволюции, в умении применить язык для передачи еще одного информационного потока, вербально, возможно, и невыраженного, или АВ существовало на самых ранних этапах языкового развития. Синтаксическая акцентология как историческая область языкознания пока еще делает первые шаги. Поэтому, в заключение, хотелось бы подчеркнуть еще раз основные положения, высказанные в настоящей книге.

1. Через всю книгу проходит мысль о глубоком функциональном различии АВ и ФУ. Языковое доказательство их различия извлекается из смыслового противопоставления таких простых примеров, как *Я прошу книгу* и *Я прошу книгу* (а не что-то другое), однако лингвистическая теория считает АВ лишь усиленным просодически, сдвинутым или смещенным фразовым ударением.

2. Это функциональное различие АВ и ФУ базисное: за ним стоит размежевание в способе представления действительности в рамках контекстно-конситуативного окружения, т. е. прагматика. Нейтральные, без АВ высказывания чаще всего представляют некий отрезок действительности описательно, вне создания дополнительного потока

текстово-коммуникативного сопровождения — тени, что и является основным свойством АВ. И в этом отношении АВ отличается от других текстовых средств анафоро-катафорического плана, например от местоимений и местоименных сочетаний: *В комнату вошла женщина. Она была в белом платье* — здесь она соотносит денотат с предшествующим текстом и ни с чем более, в отличие от АВ во фразе *Только она была в белом платье и т. п.*, где создаются компоненты-тени вроде *Все остальные были в платьях иного цвета*.

3. Способ представления компонента действительности, по-разному воплощающийся в высказываниях с АВ и без АВ, видимо, отвечает глубоким содержательным категориям, которые человек стремится передать и выразить при помощи языковых средств. Поэтому даже в тексте этой небольшой книги речь шла не только о просодических свойствах АВ: оно связывалось и с такими явлениями, как порядок слов, время и вид глагола-сказуемого, тип вводящего локализатора-обстоятельства, свойство именных словосочетаний.

Таким образом, высказывалась гипотеза о том, что категориально-грамматические характеристики компонентов высказывания могут быть подчинены друг другу, комбинируясь в сложный показатель одной сквозной характеристики высказывания. Мы говорили об одной такой характеристике — глобальности.

Высказывания без АВ, как мы отмечали, более автономны, они в меньшей степени коммуникативно ориентированы. Поэтому именно эти высказывания чаще всего характеризуются тем порядком слов, по которому движение осуществляется от более известного к менее известному, они чаще всего нарративно обусловлены, включаясь в жанр описания. Именно в таких высказываниях обычно и бывает представлено в конце неопределенное имя (объект или субъект), попадающее под действие фразового ударения (ФУ).

Именно о неопределенных существительных в связи с нерасчлененными высказываниями говорит и Гладров (Gladrow, 1979).

Очень важным в этой связи представляется вывод одного из подразделов АГ-80 о том, что «предложения со сказуемым — полным прилагательным коммуникативно нерасчлененных вариантов не образуют» (АГ-80, с. 292), далее приводятся примеры нерасчлененных высказываний

со сказуемым — кратким прилагательным: *Слышна музыка*; Широко известны объяснения этого явления и т. д. (с. 296). Очевидно и интересно, насколько живым оказывается в русском языке различие краткого и полного прилагательного как нечленной и членной формы, т. е. о п р е д е л е н н о й.

Однако нерасчлененные высказывания могут отражать событие разной степени целостности. Об этом пишет В. Гладров (Gladrow, 1979), выделяя в особенно тесную группу предложения типа *Идет дождь: Наступила весна*. В. Гладров различает две группы нерасчлененных высказываний: А — типа *Наступила весна*; Б — типа *Подъехал автомобиль*, они отличаются друг от друга по следующим критериям: 1) А тип соотносится с односоставными предложениями, Б — нет; 2) А переходит в расчлененные структуры с затруднениями, Б — нет; 3) А тип способен к фазисным модификациям, Б тип — нет; 4) высказывания типа А, в отличие от Б, не могут выразить оппозицию существительного по определенности—неопределенности; 5) глаголы-сказуемые в высказываниях типа А обладают более или менее опустошенной семантикой, глаголы-сказуемые в Б полнозначны (Там же, с. 91).

Таким образом, АВ — не-АВ высказывания противопоставляются друг другу по целому ряду оппозиций-характеристик, часть из которых обсуждалась в настоящей книге.

4. Корреспондируя в плоскости одного высказывания с разными грамматико-категориальными показателями компонентов высказывания, и не отмеченных АВ (в первую очередь это показатели глагола-сказуемого), АВ, с другой стороны, соотносится с целым пластом языковых средств, стремящихся передать те же функциональные установки. Поэтому нами проводилось сопоставление функций АВ с моделью описания прилагательных с общечеловеческой тенденцией фиксировать через язык позитивную установку на стабильность мира с передачей отклонений от этой стабильности в лучшую или худшую сторону. В этом смысле исследование АВ может войти в общую, постепенно обнаруживаемую систему человеческих прагматических установок как универсального, так и этносинтаксического плана.

5. Со сказанным связано и то, многократно подчеркивавшееся, положение, по которому функционально-содержательная интерпретация АВ многообразна и никак не

укладывается в рамки простых оппозиций, часто объединяемых в связки признаков: новое—важное—информативное—рематическое—контрастивное—неопределенное—эмфатическое и т. п.

Так же мы отвергаем в своей излишней прямолинейности идею неперемного притяжения АВ и некоторого служебного класса, в частности частиц. Случаи отсутствия АВ при частицах и неперемности АВ при элиминировании частиц — при частом их совпадении — демонстрируют более общий тезис о частичной функциональной синонимии частиц и АВ: оба функциональных феномена экспонируют коммуникативный выход высказывания за его узкие текстовые рамки, стремление создать вокруг него дополнительное «теневое» наложение. Поэтому АВ и частицы, часто служа одним и тем же целям, могут в сознании носителя языка или даже лингвиста несколько упрощенно сливаться в одну коммуникативную единицу.

6. Однако при отрицании неперемной связи АВ с частицами «акцентирующего типа» в книге вовсе не отрицается наличие определенной корреспонденции между АВ и лексическим компонентом языка. Но эти отношения представляются более сложными, т. е. восходящими к категориям общесемантического плана, связанными с АВ. Дело в том, что, выводя высказывание за его узкие нейтрально-нормативные рамки, АВ, как оказалось, передает определенные смысловые отношения: противопоставление, оценку, результат, статус и пр. Часть лексического состава языка по своей словарной семантике соотносится с передачей подобных отношений — интенсивы, результативные глаголы, локализаторы и т. п. Таким образом, АВ как бы стремится совпасть в потоке речи с определенными лексемами (это показано в главе V на примере УНР); возникает тенденция к тому, что ряд лексем становится постоянно акцентируемым и возникают классы акцентируемых слов. Кваликативная функция АВ в рамках узкой заданной структуры сочетается с делимитативной: на примерах УНР демонстрировалось, как говорящий выделением начала очерчивает арену будущего воздействия на слушателя — уже с кваликативными АВ.

7. Все сказанное мы относим, хотя бы в качестве первой попытки, к функциям в высказывании именно АВ — в его фундаментальном отличии от ФУ. Между тем вполне возможно и даже настоятельно необходимо симметричное исследование функциональных (а не экспериментально-фонетических) свойств фразового ударения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдалина*, 1973 — *Абдалина Е. А.* Интонационные средства выражения ремы в простом предложении в современном английском языке. Автореф. канд. дис. М., 1973.
- АГ-70 — Грамматика современного русского языка. Москва, «Наука», 1970.
- АГ-80 — Русская грамматика, т. II. Синтаксис — М., «Наука», 1980.
- Адамец*, 1966 — *Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966.
- Багдасарян*, 1976 — *Багдасарян В. Х.* Логическое ударение и структура суждения. — В кн.: Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976.
- Багмут*, 1970 — *Багмут А. И.* Інтонаційна будова простого розповідного речення у слов'янських мовах. — Київ, «Наукова думка», 1970.
- Багмут*, 1980 — *Багмут А. И.* Структура и функционально-семантический аспект интонации простого повествовательного предложения в славянских языках. Автореф. докт. дис. М., 1980.
- Бондаренко*, 1978 — *Бондаренко Л. П.* Членение спонтанной речи паузами колебания и его соотношенность с синтагматическим членением. Автореф. канд. дис. Л., 1978.
- Брызгунова*, 1970 — *Брызгунова Е. А.* О смысловозначительных возможностях русской интонации. — ВЯ, 1970, № 4.
- Брызгунова*, 1973 — *Брызгунова Е. А.* Основные типы интонационных конструкций и их функционирование в русском языке. — Русский язык за рубежом, 1973, № 2.
- Булыгина*, 1980 — *Булыгина Т. В.* Грамматические и семантические категории и их связи. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., «Наука», 1980.
- Волик*, 1976 — *Волик А. И.* Семантические функции противопоставительного ударения в английском языке. — В кн.: Вопросы языковой структуры. Киев, 1976.
- Гак*, 1975 — *Гак В. Г.* Коммуникативные трансформации и системность средств логического выделения во французском языке. — Филолог. науки, 1975, № 5.
- Гойдина*, 1974 — *Гойдина В. В.* Частицы *еще, уже, только (и только)* в составе обстоятельства времени. — В кн.: Лингвостилистические исследования научной речи. М., «Наука», 1979.
- Евчик*, 1978 — *Евчик Н. С.* Классификация выделенных слогов в спонтанных высказываниях. — Романское и германское языкознание. Минск, 1978, вып. 1.
- Журинский*, 1971 — *Журинский А. Н.* О семантической структуре пространственных прилагательных. — В кн.: Семантическая структура слова. М., «Наука», 1971.
- Златоустова*, 1953 — *Златоустова Л. В.* Фонетическая природа русского словесного ударения. Автореф. канд. дис. Л., 1953.
- Знаменская*, 1964 — *Знаменская А. В.* Частица *и* в современном русском языке. — Учен. зап. Смоленского ГПИ им. К. Маркса, вып. XIII, 1964.

- Иванов, 1979 — Иванов В. В. Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом. — В кн.: *Balkanica*. М., «Наука», 1979.
- Иванов, 1980 — Иванов В. В. О соотношении развития морфологического и синтаксического уровней языка. — В кн.: II Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. «Диалектика развития языка». Тезисы докл. М., 1980.
- Иванова, 1970 — Иванова Т. К. Функции частиц *вот* и *только* в современном русском языке. Автореф. канд. дис. Благовещенск, 1970.
- Кифер, 1978 — Кифер Ф. О пресуппозициях. — Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII. М., «Прогресс», 1978.
- Климовская, 1968 — Климовская Г. И. Система видов логического ударения в атрибутивном словосочетании. — Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968.
- Ковтунова, 1976 — Ковтунова И. И. Порядок слов в стихе и прозе. — В кн.: Синтаксис и стилистика. М., «Наука», 1976.
- Ковтунова, 1976а — Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., «Промышленность», 1976.
- Крейдлин, 1975 — Крейдлин Г. Е. Лексема *даже*. — Семиотика и информатика, вып. 6. М., 1975.
- Кривнова, 1978 — Кривнова О. Ф. Об акцентной функции мелодики (на материале русского языка). — В кн.: Интонация. Киев, «Вища школа», 1978.
- Крушельницкая, 1956 — Крушельницкая К. Г. К вопросу о смысловом членении предложения. — ВЯ, 1956, № 5.
- Лаптева, 1972 — Лаптева О. А. Нерешенные вопросы теории актуального членения. — ВЯ, 1972, № 2.
- Леков, 1973 — Леков И. К. К вопросу о средствах выражения субъективной модальности в русском и болгарском языках. — In: *Otazky slovanske syntaxe*, III. Brno, 1973.
- Матезиус, 1967 — Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., «Прогресс», 1967.
- Михелевич, 1960 — Михелевич Е. Е. Логико-смысловые частицы в современном немецком языке. Автореф. канд. дис. М., 1960.
- Мишина, 1960 — Мишина К. И. Значение и употребление слова *один* в русском языке. — Учен. зап. МГУ, вып. 148, 1960.
- Моисеев, 1978 — Моисеев А. И. Частицы *еще* и *уже* в современном русском языке. — *Slavia orientalis*, 1978, v. XXVII, N 3.
- Неустроева, 1976 — Неустроева Г. К. Об одном случае эмфазы в португальском языке. — Вестн. ЛГУ. Сер. История, языковедение, литература, вып. 20, № 20, 1976.
- Николаева, 1970 — Николаева Т. М. Новое направление в изучении спонтанной речи. — ВЯ, 1970, № 3.
- Николаева, 1977 — Николаева Т. М. Фразовая интонация славянских языков. М., «Наука», 1977.
- Николаева, 1978 — Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. — Новое в зарубежной лингвистике, вып. VIII. М., «Прогресс», 1978.
- Николаева, 1979 — Николаева Т. М. Словосочетания с лексемой «один». Форма, значения и их контекстная обусловленность. — В кн.: Синтаксис текста. М., «Наука», 1979.

- Николаева, 1979а — Николаева Т. М. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности. — В кн.: Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., «Наука», 1979.
- Николаева, 1980 — Николаева Т. М. «Событие» как категория текста и его грамматические характеристики. — В кн.: Структура текста. М., «Наука», 1980.
- Поливанов, 1968 — Поливанов Е. Д. По поводу «звуковых жестов» японского языка. — В кн.: Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
- Поспелов, 1970 — Поспелов Н. С. О синтаксическом выражении категории определенности-неопределенности в современном русском языке. — В кн.: Исследования по современному русскому языку. М., 1970.
- Рассудова, 1968 — Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. — М., 1968.
- Ревзин, 1978 — Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы. М., «Наука», 1978.
- Розанова, 1981 — Розанова Н. Н. Темпоральные характеристики РР. — В кн.: Русская разговорная речь. М., «Наука», 1981.
- Светозарова, 1981 — Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л., 1981.
- Скорлуповская, 1964 — Скорлуповская Е. В. Союзная функция частиц в сложносочиненном предложении современного русского языка. — РЯШ, 1964, № 1.
- Стародумова, 1974 — Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дис. Л., 1974.
- Торсуева, 1970 — Торсуева И. Г. Акустическая характеристика смыслового членения предложения. — In: Proceedings of the Sixth International congress of phonetic sciences. Prague, 1970.
- Торсуева, 1971 — Торсуева И. Г. Акустическая характеристика смыслового членения вопроса в русском языке. — В кн.: Вопросы фонетики и фонологии. М., 1971.
- Торсуева, 1974 — Торсуева И. Г. Теория интонации. М., 1974.
- Торсуева, 1979 — Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. М., «Наука», 1979.
- Харвег, 1980 — Харвег Р. Стилистика и грамматика текста. — Новое в зарубежной лингвистике, вып. IX. М., «Прогресс», 1980.
- Хендрикс, 1980 — Хендрикс У. Стил и лингвистика текста. — Новое в зарубежной лингвистике, вып. IX. М., «Прогресс», 1980.
- Черкасова, 1976 — Черкасова В. И. Интонация простого повествовательного предложения с разными видами фразового ударения при постпозиции ремы. — В кн.: Вопросы фонетики и фонологии. Иркутск, 1976.
- Шевякова, Пинаева, 1977 — Шевякова В. Е., Пинаева Ж. Б. Интонация научной речи. — В кн.: Чтение. Перевод. Устная речь. Л., «Наука», 1977.
- Шевякова, 1977 — Шевякова В. Е. К вопросу о логическом ударении. — ВЯ, 1977, № 6.
- Шевякова, 1980 — Шевякова В. Е. Современный английский язык. Порядок слов, актуальное членение, интонация. — М., «Наука», 1980.

- Щербакова, 1978 — Щербакова Л. Г. Восприятие главноударного слога фразы. — Романское и германское языкознание. Минск, 1978, вып. 1.
- Юрченко, 1961 — Юрченко В. С. К вопросу о взаимодействии порядка слов и интонации. — В кн.: Вопросы русского языкознания. Саратов, 1961.
- Altmann, 1976 — Altmann H. Die Gradpartikeln im Deutschen. Untersuchungen zu ihrer Syntax, Semantik und Pragmatik. Tübingen, 1977.
- Anderson, 1972 — Anderson S. R. How to get even. — Language, 1972, v. 48, N 4.
- Bates, 1976 — Bates E. Language and context (the acquisition of pragmatics). N. Y., San Francisco, London, 1976.
- Berman, Szamosi, 1972 — Berman A., Szamosi M. Observations on sentential stress. — Language, 1972, v. 48, N 2.
- Bickerton, 1975 — Bickerton D. Some assertions about presuppositions about pronominalization. — In: Papers from the parasession of functionalism, 1975 Chicago, 1975.
- Bierwisch, 1967 — Bierwisch M. Some semantic universals of German adjectives — Foundations of language, 1967, v. 3, N 1.
- Bolinger, 1952 — Bolinger D. L. Linear modification — Publications of the modern language association of America, 1952, v. LXVII.
- Bolinger, 1961 — Bolinger D. L. Contrastive accent and contrastive stress. — Language, 1961, v. 37, N 1.
- Boost, 1955 — Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Berlin, 1955.
- Bresnan, 1971 — Bresnan J. W. Sentence stress and syntactic transformations. — Language, 1971, v. 47, N 2.
- Bresnan, 1972 — Bresnan J. W. Stress and syntax: a reply. — Language, 1972, v. 48, N 2.
- Cantrall, 1975 — Cantrall W. R. Favored structures and intonational limitations. — In: Papers from the parasession of functionalism. 1975. Chicago, 1975.
- Cooper, Ross, 1975 — Ibidem. World order.
- Cutler, Foss, 1977 — Cutler A., Foss D. J. On the role of sentence stress in sentence processing. — Language and speech, 1977, v. 20, pt. 1.
- Dahl, 1974 — Dahl Ö. Topic-comment structure revisited. — In: Topic and comment. Contextual boundness and focus. Papiere zur Textlinguistik. Bd. 6. Hamburg, 1974.
- Dahl, 1974a — Dahl Ö. Some suggestions for a logic of aspects. — Slavica gothoburgensia, 1974, N 6.
- Deese, 1965 — Deese J. The structure of associations in language and thought. Baltimore, 1965.
- Firbas, 1972 — Firbas J. On the interplay of prosodic and non-prosodic means of Functional sentence perspective. — In: The Prague school of linguistic and language teaching. London, 1972.
- Firbas, 1975 — Firbas J. On «existence/appearance on the scene» in Functional sentence perspective. — Acta Universitatis Carolinae. Philologica. 1975, I.
- Firbas, 1979 — Firbas J. A functional view of «ordo naturalis». — Brno studies in English, 1979, v. XIII.
- Forsyth, 1970 — Forsyth J. A grammar of aspect. Cambridge 1970.
- Fuchs, 1976 — Fuchs A. «Normaler» und «kontrastiver» Akzent. — Lingua, 1976, v. 38, N 3—4.

- Galton, 1976 — Galton H. The main functions of the Slavic verbal aspect. Skopje, 1976.
- Givón, 1970 — Givón T. Notes on the semantic structures of English adjectives. — *Language*, 1970, v. 46, N 4.
- Gladrow, 1979 — Gladrow B. Взаимодействие лексических и грамматических средств в процессе речевой реализации простого предложения русского языка. In: *Otázky slavanské syntaxe*, IV/I, Brno, 1979.
- Gunter, 1966 — Gunter R. On the placement of accent in dialogue. — *Journal of linguistics*, 1966, v. 2, N 2.
- Harweg, 1968 — Harweg R. Die Rundfunknachrichten. Versuch einer textologischen Einordnung. — *Poetica*, 1968, Bd. 2, Hf. 1.
- Harweg, 1968a — Harweg R. Texanfänge in geschriebener und in gesprochener Sprache. — *Orbis*, 1968, t. XVII, N 2.
- Harweg, 1969 — Harweg R. Nachfolgeradjektive. — *Folia linguistica*, 1969, t. III, N 3/4.
- Harweg, 1969a — Harweg R. Zum textologischen Status von *wieder*. — *Orbis*, 1969, t. XVIII, N 1.
- Harweg, 1971a — Harweg R. Ein Mensch, eine Person und jemand. — *Zeitschrift für deutsche Sprache*, 1971, Bd. 27, Hf. 1/2.
- Harweg, 1971 — Harweg R. Die textologische Rolle der Betonung. — In: *Beiträge zur Textlinguistik*. München, 1971.
- Harweg, 1970 — Harweg R. Zur Textologie des Vornamens. — *Linguistics*, 1970, N 61.
- Harweg, 1972 — Harweg R. Zur Textologie der *dass*-Sätze. — *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*, 1972, N 1.
- Harweg, 1973 — Harweg R. Grundzahlwort und unbestimmter Artikel. — *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationforschung*, 1973, Bd. 26, Hf. 3/4.
- Harweg, 1979 — Harweg R. Pronomina und Textkonstitution. München, 1979.
- Hatcher, 1956 — Hatcher A. Syntax and the sentence. *Word*, 1956, v. 12.
- Hopper, 1979 — Hopper P. L. Aspect and foregrounding in discourse. — In: *Syntax and semantics*, v. 12, N. Y. 1979.
- Hupet, 1975 — Hupet M. Definiteness and voice in the interpretation of active and passive sentences. — *Quarterly journal of experimental psychology*, 1975, v. 27, N 2.
- Janota, Palková, 1975 — Janota P., Palková Z. The auditory evaluation of stress under the influence of context. — *Phonetica pragensia*, 1975, 4.
- Kasher, Gabbay, 1976 — Kasher A., Gabbay D. M. On the semantics and pragmatics of specific and non-specific indefinite expression. — *Theoretical linguistics*, 1976, v. 3, N 1/2.
- Kuno, 1976 — Kuno S. Three perspectives in the functional approach to syntax. — In: *Sound. Sign and meaning*. Ann Arbor, 1976.
- Lakoff, 1972 — Lakoff G. The global nature of the NSR. — *Language*, 1972, v. 48, N 2.
- Mathesius, 1947 — Mathesius V. Zesílení a zdoraznění jako jevy jazykové. — In: *Mathesius V. Čestina a obecný jazykospyt*. Praha, 1947.
- Mathesius, 1947a — Mathesius V. K dynamické linii české věty. — In: *Mathesius V. Čestina a obecný jazykospyt*. Praha, 1947.
- Miller, 1974 — Miller J. Some remarks on mood and aspect in Russian. — *Acta linguistica Hafniensia*, 1974, v. XV, N 1.

- Mistrík*, 1966 — *Mistrík J.* Slovosled a vetosled v slovenčine. Bratislava, 1966.
- Montague*, 1972 — *Montague R.* Pragmatics and intensional logic. — In: Semantics of natural language. Dordrecht, Boston, 1972.
- Papers on TSP*, 1974 — Papers on Functional sentence perspective. — Prague, 1974.
- Ružička*, 1961 — *Ružička J.* O podstate vytyčeného větného člena. — Slovenská reč, 1962, v. XXVI, č. 5.
- Schmerling*, 1974 — *Schmerling S. F.* Re-examination of «normal stress». — Language, 1974, v. 50, N 2.
- Schmerling*, 1976a — *Schmerling S. F.* Presupposition and the notion of normal stress. — In: Papers from the seventh regional meeting Chicago linguistic society. Chicago, 1976.
- Schmerling*, 1976 — *Schmerling S. F.* Aspects of English sentence stress. Austin, London, 1976.
- Stalnaker*, 1972 — *Stalnaker R. C.* Pragmatics. — In: Semantics of natural language. Dordrecht, Boston, 1972.
- Szwedek*, 1976 — *Szwedek A.* The role of sentence stress in the interpretation of coreferentiality in English and Polish. — In: Papers and studies in contrastive linguistics, 1976, v. 4.
- Topic and comment — Topic and comment. Contextual boundness and focus. Hamburg, 1974.
- Tory Higgins*, 1976 — *Tory Higgins E.* Effects of presuppositions on deductive reasoning. — Journal of verbal learning and verbal behavior, 1976, v. 15, N 4.
- Weil*, 1844 — *Weil H.* De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes. Paris, 1844.
- Wierzbicka*, 1979 — *Wierzbicka A.* Ethno-syntax and the philosophy of grammar. — Studies in language, 1979, 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
АВ И АНАЛИЗ ЕГО ТРАКТОВОК	7
АВ и интонационный центр, фразовое ударение	7
АВ и вопросо-ответная теория	13
АВ и категория определенности—неопределенности	15
АВ и идея контраста	20
АВ и идея важности	24
АВ и эмфаза	28
АВ и актуальное членение высказывания	33
АВ и пучки объединенных содержательных категорий	40
Глава вторая	
АВ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	43
Глава третья	
АВ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С «АКЦЕНТИРУЮЩИМИ ЧАСТИЦАМИ»	52
Глава четвертая	
АВ, КАТЕГОРИЯ ГЛОБАЛЬНОСТИ И ИНВЕРТИРУЕМАЯ СИТУАЦИЯ	65
Глава пятая	
АВ В СВЯЗНОМ УСТНОМ ТЕКСТЕ	77
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	94
ЛИТЕРАТУРА	98

